

ПУТЕШЕСТВИЕ НА БУХТАРМУ

ПОВЕСТЬ

Виктор ДЪЯКОВ

Виктор Елисеевич Дьяков

Путешествие на Бухтарму

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24710367

Аннотация

Молодая семейная пара из Барнаула, разочаровавшись в Анталии и Хургаде, решает очередной отпуск провести тоже за границей, но недалеко от дома. Они едут в соседний Казахстан, на Бухтарминское водохранилище. О приключениях и неожиданностях, поджидавших там супругов, рассказывается в данной повести.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА БУХТАРМУ

повесть

Родители Сергея Коростелева были из поколения «топай-лопай», то есть советских туристов-любителей. Они во времена своей молодости «балдели» от «Вертикали», Высоцкого, зачитывались Хемингуэем и молодым Аксеновым. Отец и с матерью познакомился на каком-то туристическом маршруте в районе Телецкого озера. Тогда к их группе, состоявшую из студентов-старшекурсников Барнаульского политеха «пристегнули» менее опытных студенток алтайского «педа». Отец окончательно «заразил» и мать своей «туристической болезнью». По слухам они и Сергея зачали в тех же родных Алтайских горах, когда молодожены в качестве свадебного путешествия пошли в очередной поход, чтобы заняться любимым делом, то есть: «по горам... топать... концентрат перловый лопать» и так далее.

Видимо от того Сергей, что называется «с молоком матери» впитал эту страсть, к такого рода путешествиям. А если учесть, что и женился он на дочери друзей родителей, которые вместе с ними когда-то «топали-лопали», да и познакомились Сергей с Любой также на туристском маршруте в тех же родных горах, когда их, его 14-ти летнего, а ее 12-ти летнюю взяли с собой родители... В общем страсть у супругов

оказалась как совместной так и наследственной. С родителями и Сергей, и Люба еще в советские времена успели побывать не только в различных уголках Алтайского края, но и в горах Заилийского Алатау под Алма-Атой, на Урале и в Саянах. После развала Союза жизнь резко поменялась, и стало как-то не к спеху заниматься горным туризмом, да и родители постарели. Тем не менее Сергей, поступив в 1992 году в экономический институт там организовал нечто вроде секции горного туризма и как и отец ходил в горы уже со своими товарищами-студентами. С Любой, двумя годами позже поступившей в алтайский университет, Сергей хоть и был знаком с детства, но особенных отношений меж ними не наблюдалось. Но случилось тоже, что с родителями Сергея – они встретились в 97-м, случайно. Пятикурсник Сергей пригласил третьекурсницу Любу на маршрут, та не отказалась. Ну, а уже на маршруте они оказались вдвоем, в одной палатке... После этого их отношения обрели иную форму и завершились в 99-м свадьбой. В 2000-м у них родилась дочка, причем в первые полтора года девочкой занимались в основном не столько родители, сколько деды, поочередно, то одни, то другие. Она была у них пока что единственная внучка на четверых еще относительно здоровых людей на шестом десятке. Так что молодые супруги получили возможность в свое удовольствие заняться наследственной страстью. Впрочем, в начале двухтысячных годов они уже частично «перезапустились» на новую моду, туризм заграничный. Их

финансовое положение было довольно стабильным для российской провинции – он сотрудник фирмы, производящей и реализующий продуктовые товары, она социальная служащая. Тем не менее, их совокупный семейный бюджет, даже с учетом родительской помощи, почти полностью взваливших на себя не только заботы о внучке, но и частично расходы на ее содержание... Даже при этом совместного дохода Сергея и Любы хватало лишь на то, чтобы съездить по таким общедоступным для рядовых россиян местам как Хургада и Анталья, что они и сделали в 2002 и 2003-м годах. Ни в Египте, ни в Турции им не понравилось. То оказалась не их стихия. Что за радость отдыхать хоть и у моря, но на краю египетской пустыни дышащей обжигающим жаром. Вода в Красном море, она конечно, теплее чем в Оби, не говоря уж о Катунь, но уж очень напрягает местное население, чья нищета даже в сравнении с российской бедностью смотрится просто ужасающе. В Турции нищета была не столь очевидна, там народ жил получше, но постоянно ощущалась скрытая неприязнь именно к русским. Видимо многократные военные поражения (ведь никого так часто и жестоко в войнах русские не били как турок)... Так вот, видимо, у потомков битых янычар это обстоятельство сформировало некий комплекс, который нет-нет да и давал о себе знать во взаимоотношениях. уда вявшую из студентов-старшекурсников Барнаульского ...шруте в районе Телецкого озера.

В 2004-м обошлись вообще безо всяких путешествий. Де-

ло в том, что в этом году Сергей купил себе машину и все скопленные деньги, плюс помощь родителей ушли на нее. Да и отпуска они взяли в разное время, зимой и осенью, чтобы на следующий 2005-й год уже наверняка уломать начальство и выйти одновременно и обязательно летом. У них это получилось, оба «вышли» в июле... А вот куда поехать? Идти уже множество раз хоженными тропами в Алтайские горы им уже не хотелось. В то же время, их скромные накопления не позволяли сделать слишком далекий и дорогостоящий вояж. Им хотелось чего-то нового, но в то же время относительно дешёвого и достаточно комфортного... Все-таки отдыхать ходя пешком по горам, как это делали их родители им уже несколько поднадоело. И тут Сергею на работе один из сослуживцев похвастал, как он прошлым летом отлично отдохнул с семьей на Бухтарминском водохранилище в санатории «Голубой залив». Коллега уверял, что отдых на Бухтарме баснословно дешёв, и добираться туда недолго, ведь водохранилище совсем недалеко, в отрогах Южного Алтая. Правда имелось одно «но», Южный Алтай, верховья Иртыша и само Бухтарминское водохранилище, это уже не Россия, а территория, так называемого, суверенного Казахстана. Но сослуживец именно этим и объяснил дешевизну пребывания в «Голубом заливе», и на все лады расхваливал свой отдых:

– Представляешь, там мы себя чувствовали, как американцы где-нибудь в нищей, слаборазвитой стране, где за дол-

лары местные аборигены тебя во все места целовать готовы. Конечно, наши рубли, это пока еще не доллары, но берут их там так же влет, и закупить на них там можно значительно больше чем здесь. И вообще там все от пива до чебуреков дешевле чем у нас. И природа там потрясающая, есть на что посмотреть. Так что, старик, езжай, не прогадаешь, отдохнешь на все сто и деньги сэкономишь...

На семейном совете не сразу решили следовать столь заманчивому предложению, но когда Сергей поехал советоваться с родителями, отец безоговорочно поддержал коллегу Сергея по работе:

– И не раздумывайте, если есть такая возможность надо ехать. А то черти куда летали, в Египет, в Турцию. А тут рядом такая красота и ни разу не были.

Мнение отца и решило дело – супруги решили провести отпуск летом 2005 года на берегу Бухтарминского водохранилища. Сергей, вообще-то, всегда прислушивался к мнению отца, хоть уже давно и посмеивался над его преклонением перед шестидесятилетней романтикой. Мать, не столь «романтическая», близко к сердцу сарказм сына не принимала, а вот отец обижался искренне:

– Я не заставляю тебя придерживаться моих убеждений, но хотя бы относись к ним с должным пониманием и уважением!

– Ты меня, конечно, извини, папа, но не могу я это, ни понимать, ни почитать. Я не могу заставить себя испытывать

пиетет к тому, что мне совсем не нравится,— обычно возражал Сергей.

— Ну, конечно, ваше поколение выдвинуло таких композиторов, поэтов, писателей... куда до них нашим любимым Пахмутовой, Визбору, тому же Аксенову. Кстати, назови пожалуйста их имена, этих свежееиспеченных гениев, сделай одолжение, а то я что-то не припомню этих ваших нынешних кумиров... Впрочем, возможно ты имеешь в виду гениального композитора Укупника, а писатели... ну конечно Донцова с Устиновой. Да уж до них тем нашим далеко...— отец буквально покрывался пятнами от возбуждения.

— Не передергивай, папа,— морщился Сергей.— Ты же не можешь не понимать, что это все пена, которая со временем осядет без следа, и кто из нашего поколения, что будет стоять, станет видно лишь с расстояния будущих десятилетий. Я же совсем о другом говорю. Вот ты говоришь Высоцкий... Ну не нравится он мне, и многим моим друзьям тоже. Не могу понять, почему чуть не все ваше поколение от его песен в таком поросячем восторге. И фильмы Шукшина мне не очень нравятся, хоть он и наш земляк. Ну, извини. Ничего с собой не могу поделатъ. Мне и современные фильмы не нравятся, как и эти модные уроды типа Децла, все эти «Виагры» и «Сливки». Я же тебе говорю, это пена, но и ваши кумиры... Вот, если о писателях говорить, пап я не пойму, как можно было восхищаться американцем Хемингуэем, и не знать, что в это же время творил, может быть величайший писатель

двадцатого века Платонов. Я думаю, его тогда не было видно из-за все той же модной «пены» тех лет. Вот ответ мне на вопрос, почему Хем, Аксенов, Гладилин, а не Платонов были вашими литературными кумирами тех лет? По таланту их с ним и ставить рядом нельзя, даже Хем рядом с ним так, пригото­ви­шка, недоросль, средний руки журналистишка...

Это был, что называется, удар под дых. Отец моментально сникал и начинал оправдываться:

– Не знали мы Платонова... совсем не знали. Его же только в Перестройку печатать разрешили. Я сам, когда «Котлован» и «Город Градов» прочитал, просто диву дался, как же можно было столько лет скрывать от читателей такого гиганта, это преступление против нашей культуры, все равно, что запретить читать Толстого и Достоевского. Но пойми, Хем это совсем другое, и Аксенов тоже. Да они не столь глобальны, не столь глубоки, но они более молодежны, что ли, они романтики. Не знаю, если бы я в двадцать лет прочитал Платонова, смог бы я его постичь, а вот Хема и Аксенова я постигал легко, свободно, с удовольствием. Они были близки мне и большинству нашего поколения. Понимаешь сынок... Ни своих, ни иностранцев настоящих мы не знали, мы даже о Воннегуте понятия не имели, у нас его не переводили. Что нам в журнале «Иностранная литература» преподносили, то мы и читали. Мы тогда даже от Алана Силли­тоу, как ты говоришь, в порос­ячем восторге пребывали. Его вот переводили, потому, что он про жизнь английских рабочих писал,

и как раз, как надо было советской власти, то есть в серых тонах. Потом-то уж я понял, что посредственный писатель. Но поверь, Хем совсем не то, он величина, и по праву является кумиром миллионов читателей во всем мире...

Подобные споры обычно затягивались, едва не возник он и на этот раз, когда Сергей и Люба приехали к родителям советоваться насчет места проведения очередного отпуска. Но сейчас его решительно пресекла мать:

– Ну, все, хватит дебаты о высших материях разводить. Давайте лучше о деле, у кого вы собираетесь оставлять Верочку, у нас, или у Любиных родителей? Учти, я не позволю вам, как тащить ребенка с собой за сотни верст, так и возить с одного конца города на другой. Или у нас на все время, или у них. Ну и как вы собираетесь ехать, поездом или на машине?

Сергей отчаянно шлепнул себя ладонью по лбу, ибо за ожиданием назревавшего спора с отцом, совсем забыл о важнейших вопросах, которые собирался обсудить с ним же. Они с Любой собирались ехать на Бухтарму на машине. Но ехать на своей, год назад купленной, хоть и с рук, не новой «Тойоте», ему не хотелось. Она была с правым рулем и Сергей опасался на ней ехать по горным перевалам. Ну, и мало ли что, Казахстан после распада Союза жить стал хуже России, то есть, государство с еще более бедным населением, и туда лучше ехать не на иномарке, а на машине поскромнее. Как раз таковой была у отца, старенький, но еще на ходу

«Жигуленок». На нем в свое время осваивал азы управления автомобилем сам Сергей.

– Пап... ты мне одолжишь свой «Жигуль» съездить? А то, сам знаешь, на моей «Тойоте», как-то не очень удобно и страшновато. Какая-никакая а заграница, а уж на «Жигуль»-то, надеюсь, никто не позарится. Так сказать, ради безопасности... а пап?...

2

Чтобы приготовить видавший виды отцовский автомобиль, хоть и к не очень далекому, но нелегкому пути, Сергею пришлось с ним предварительно немало повозиться. Но вот, наконец к 10 июля все было готово, и дочка Верочка заранее перевезена к родителям Сергея, и сами супруги, набив всевозможными вещами багажник и заднее сиденье «Жигуля», попрощавшись с провожавшими родственниками выехали из родного города в сторону казахстанской границы.

До Поспелихи доехали относительно комфортно, но потом качество дорожного покрытия резко испортилось: разбитый асфальт, колдобины... Справа и слева тянулся бесконечная распаханная, засеянная в основном пшеницей поля. Супруги были опытные туристы и к плохим дорогам, и однообразному степному пейзажу относились философски, то есть, получив в детстве туристскую закалку, они всевозможные дорожные неудобства стоически терпели. Первую оста-

новку сделали на ночлег, на выезде из Змеиногорска в лесопосадке недалеко от поста ГАИ. Они рассчитывали пересечь границу на следующее утро. Место ночевки выбрали с учетом безопасности, рассчитывая, что находящийся рядом пост отпугнет всякий криминал, как организованный, так и неорганизованный, то бишь хулиганье. Надежды оправдались, правда с поста наведались стражи дорожного порядка, привлеченные аппетитными запахами, разогреваемого на походной газовой мини-плитки ужина. Их пришлось, что называется «пригласить к столу». Зато ночь прошла без приключений и супруги более или менее выспались и наскоро позавтракав ранним утром, поехали дальше к границе, до которой уже оставалось всего-ничего.

Пропускной пункт с российской стороны чуть не проскочили в утреннем тумане. И не мудрено, потому что никаких соответствующих указателей не было. Довольно просторная стоянка для автомашин рядом с таможенным пунктом была почти пуста, если не считать пару каких-то большегрузных фур. Потому процедура «пересечения» госграницы была недолгой. Таможенники проверили документы и пожелав счастливой дороги дали добро на выезд. Но вот уже с той стороны этой самой дороги-то и не оказалось. Двадцатикилометровый участок до Шемонаихи где располагался уже казахский пропускной пункт это была такая... Нет, как уже упоминалось, то дорогой было назвать нельзя. Даже плохой асфальт от Пospelихи казался в сравнении прекрасной до-

рогой. Здесь же путь был просто посыпан крупным щебнем на котором бедный старенький «Жигуленок» подбрасывало как мячик, угрожая оторвать подвеску...

Процедура въезда оказалась куда более муторной и долгой, чем выезда, и ... накладной. Сразу бросилось в глаза то, что российские таможенники были «экипированы» куда лучше своих казахских коллег. Российские были одеты в форму с погонами, казахстанские выглядели как-то зачуханно в своих засаленных синих бушлатах, с большими полосами, на которых было написано «Таможня» по-казахски и почему то по-английски, будто здесь собирались досматривать только казахов и англичан с американцами. Хотя было яснее ясного, что кроме русских с той стороны сюда никто больше не поедет. К тому же таможенники ни на англосаксов, ни тем более на казахов не походили – то были обычные русские парни... Казалось, здесь делалось все, чтобы доставить въезжавшим в Казахстан как можно больше неудобств. Даже заполнять таможенные документы пришлось стоя, склонившись над столом, потому что в помещении не оказалось ни стульев, ни табуреток. За проезд машины нужно было заплатить 450 тенге, но у Сергея не было казахстанской валюты. Сослуживец, ездивший в «Голубой залив» поездом, а затем теплоходом об этой «тонкости» при пересечении границы на автотранспорте, естественно ничего не знал. Кроме того, внешне похожие не на госслужащих, а на каких-то шаромыжников таможенники и вели себя соответственно – под

любым предлогом старались «выжать» из въезжающих авто-туристов как можно больше денег. Причем денег все равно каких, лучше рублей, ну уж если очень повезет, то и долларов. Осмотрев багаж, один из них вдруг заявил что удочки везти нельзя, увидев в руках Любы сотовый телефон... и его обложили «пошлиной». Придрались и к техническому состоянию «Жигуля», дескать такие старые машины наносят невосполнимый урон местным дорогам... Что там было правдой, а что «пуском пыли в глаза», осталось тайной. Где-то через час прохождения процедуры этого «таможенного досмотра», когда Люба уже стала нервно выговаривать мужу:

– Пошла она, эта твоя поездка куда подальше, разворачиваемся назад...!

Здесь до Сергея, наконец, дошло как надо поступить в такой ситуации. Он отозвал в сторону старшего таможенника, отличавшихся от остальных тем, что у него на голове имелась фуражка с кокардой...

– Слушай командир, ты скажи прямо, чего тебе от нас надо и не мотай нервы, а то вы жену мою уже почти до истерики довели...

Таможенник довольно хмыкнул, явно удовлетворенный, что «клиент», наконец, «созрел».

– Кроме задокументированного таможенного сбора в пятьсот тенге, за все багажные и прочие нарушения еще четыреста... А так как у вас тенге нет, то я предлагаю вам

поменять на них свои рубли прямо здесь же, у нас... Вам ведь все равно в Усть-Каменогорске их менять придется. Здесь у нас все только за национальную валюту купить можно. И бензином вам тоже выгоднее прямо здесь у нас заправиться, уверяю, дешевле обойдется,— старший сразу выдал весь «сервисный» набор услуг, которыми по совместительству приторговывали таможенники.

Сергей с облегчением вздохнул:

— Ну ты... Ладно всего, значит, девятьсот тенге. Это в рублях сколько?

— Сто восемьдесят,— тут же с готовностью «помог» таможенник.

— Всего-то... На, держи... А насчет деньги поменять... Ну что ж, вот две тысячи поменяй. Сколько на них получится этих ваших?...

— Десять тысяч...

— А бензин у вас какой?

— Девяносто третий,— «автоматом», выдавал информацию таможенник.

— Это еще что такое?— изумился Сергей.— Я на девяносто втором ездю.

— Не бойсь, у нас тут универсальный бензин, он вместо ваших и девяносто второго, и девяносто пятого идет,— это уже вмешался в разговор другой подошедший таможенник.

— И сколько этот ваш универсальный стоит?

— Сорок тенге литр...

– Что... всего восемь рублей, – на этот раз уже Сергей сам сделал несложные расчеты и не мог в очередной раз не изумиться, потому как цена бензина была вдвое ниже чем в России.

– Я же тебе говорил... в накладе не будешь... Ну что бензин заливаем? На вот держи тенге, мы их тут меж собой зверобаксы зовем, – таможенник довольно засмеялся. – Бензина тебе сколько? – спрашивал уже второй, также довольно улыбающийся.

– Полный бак... А он этот ваш девяносто третий, движок мне не заперет? – тут же словно спохватился Сергей.

– Не бойсь, «Жигуль» твой даже не почувствует разницы. Я ж говорю универсальный, – второй таможенник пошел к стоявшим здесь же «Ниве», не то личной, не то служебной, явно намереваясь сливать бензин прямо с нее...

Потеряв на таможне более полутора часов супруги, наконец, въехали на территорию Казахстана, вернее Восточно-Казахстанской области. Настроение Любы было напрочь испорчено, она ругалась... Кого жене прежде всего ругать? Конечно, мужа, кого же еще винить во всех больших и малых неприятностях, начиная от загубленной молодости и кончая плохой погодой. Ну а в данном конкретном случае Сергей, конечно же, был виновен в неправильно выбранном месте проведения отпуска.

– Мы же хотели в Горно-Алтайск поехать, по Чуйскому

тракту! Почему не поехали!?! Никаких границ, никаких таможен, и денег бы лишних не потратили, а главное нервы бы сэкономили... – не умолкала Люба на всем пути от Шемонаихи до Усть-Каменогорска.

Дорога здесь была более или менее, примерно того же качества, что от Поспелихи до границы, то есть неважная, но ехать можно. Сергей же надеялся, что при приближении к Усть-Каменогорску дорога будет лучше. Он еще из своего детства помнил как в те советские годы отец бывавший в Усть-Каменогорске в командировках всегда высоко отзывался о состоянии тамошних дорог и ставил их в пример дорогам тогдашнего Алтайского края, как правило неважных. Но сейчас картина поменялась едва ли не с точностью до наоборот. Во всяком случае Сергей не обнаружил ни одного участка хотя бы приблизительно сравнимого по качеству с нынешней трассой Барнаул-Новосибирск. Видимо, после обретения независимости денег на ремонт дорог у Казахстана стало не хватать. Да и как будет хватать, если столько средств «съел» тот же перенос столицы из Алма-Аты в Астану, переустройство областного целинно-саранчового городка в столицу. Еще больше, чтобы «пыжиться» изо всех сил, но держать пенсии и зарплаты госслужащих хоть чуть-чуть, но выше чем в России. «Выпендривание» перед бывшей метрополией нелегким бременем ложились на бюджет. О том Сергей знал со слов казахстанских партнеров их фирмы, приезжавших в Барнаул. Как правило те командировочные были рус-

скими, и оказавшись в России они откровенно рассказывали о положении дел в суверенном Казахстане.

В Усть-Каменогорск прибыли уже ближе к вечеру. Сергей много слышал об этом городе от отца. «Дитя» советского министерства среднего машиностроения, курировавшего многие оборонные отрасли, город в советское время вырос как на дрожжах и из захолустного уездного городишки превратился в областной центр, один из красивейших и благоустроенных городов Казахской ССР. После распада СССР город лишился щедрой подпитки из союзного Центра, продукция его многочисленных предприятий, в первую очередь цветные и редкоземельные металлы в новом Казахстане были не нужны. Хотя молодому государству нужно было золото, много золота, и в тех полиметаллических рудах, что перерабатывали на здешних комбинатах, оно в незначительных количествах присутствовало. Потому заводы окончательно не встали, вынужденно перепрофилировавшись в основном на «драгметаллы».

Отец в советские времена часто сравнивал Барнаул и Усть-Каменогорск не в пользу родного города. Барнаул будучи по числу жителей вдвое больше, не мог сравниться с соседним областным центром ни снабжением, ни удобствами, ни средними заработками рабочих и служащих, не говоря уж о «внешности». Сейчас... сейчас «Устькамань», как его звали местные жители, почти во всем уступал северному соседу... опять же кроме «внешности». Он был так хо-

рошо и удачно спланирован, застроен в основном красивыми, «смотрящимися» зданиями в то, советское время, что сохранил остатки былой красоты, даже сейчас в 2005 году.

3

У Сергея был телефон знакомого сослуживца, у которого тот останавливался по пути в «Голубой залив» и при возвращении из него. Созвонились, переговорили, и тот как и ожидалось за вполне умеренную плату согласился пустить путешественников переночевать и укрыть в своем гараже их машину. Его звали Алексеем было ему где-то лет 35 и числился он мастером на одном из предприятий города. Однако предприятие большую часть года простаивало, потому летом Алексей обычно находился в неоплачиваемом отпуске. Конечно, такой вот побочный бизнес, когда он пускал в свободную квартиру таких вот транзитных отдыхающих из России, служил ему определенным финансовым подспорьем. При этом он всегда просил «постояльцев» делать ему «рекламу» у себя дома, что и сделал сослуживец Сергея. Свободной же квартира, которую сдавал Алексей была потому, что была она не его...

– Это шурина квартира, а я тут недалеко живу, через два дома, – пояснил Алексей показывая супругам квартиру.

– А где шурина-то, поинтересовался Сергей, осматривая стандартную советскую двухкомнатную квартиру.

– Четыре года уже, как всей семьей уехали в Новокузнецк. Там и у него и сестры моей и работа есть, и дети в русский детсад и русскую школу ходят. Квартиру, правда снимать приходится. А куда деваться? Эту-то ни продать, ни обменять невозможно, – Алексей обвел рукой уютно зашторенное помещение, обставленное в общем неплохой мебелью.

– Неужто так никто и не купит, квартира-то хорошая, – удивился Сергей.

– Конечно хорошая, но кому она сейчас нужна. У нас полгорода в Россию уехать намылилась, таких продаваемых квартир пруд-пруди. Вон на «Стрелке», это самое красивое место в городе, где Ульба в Иртыш впадает, так даже там можно трехкомнатную квартиру со всеми удобствами за десять тысяч баксов купить. Ну а за эту больше пяти не выручишь, нет смысла продавать, – Алексей горестно махнул рукой.

– Ну, русские, понятно, уезжают, а казахи, они почему не покупают? – это спросила уже Люба, не прерывая своего занятия по доставанию из занесенных сумок, так называемого, первого необходимого – полотенец, зубных щеток...

– Да, у нас тут калбитов этих совсем немного, город-то всегда почти чисто русским был. Да и те кто есть, они же нищие все. Это у вас в России, сестра вон писала, самые богатые черные с Кавказа, а у нас нет, калбиты еще беднее нас. Так же и при советской власти было, так и сейчас. Потом, они же легковверные, а им еще с тех первых «независимых»

лет в уши надудели, дескать, не покупайте у русских квартиры, они сами их побросают и уйдут, и вам все бесплатно достанется. Вот они до сих пор в это и верят...

Много еще слышали Сергей и Люба откровений Алексея о полной бесперспективности жизни русских в нынешнем Казахстане вообще, и в Усть-Каменогорске в частности. Потом он стал уговаривать супругов остаться на день:

– Здесь есть что посмотреть. Одна набережная Иртыша чего стоит, парк красивейший, я бы сам вам все и показал, время-то у меня есть, сейчас не работаю...

Но Сергей, поблагодарив, отказался, пообещав, что экскурсию по городу Алексей им организует, когда они у него останутся на обратном пути. На том и порешили. Алексей откланялся, сказав, что завтра с утра зайдет... Уставшие от дороги и всевозможных таможенных нервовотрепков супруги едва поужинав, и даже не включив телевизора, хоть Алексей и настоятельно советовал им посмотреть какую «муру» гонит казахский телеканал... Они предпочли лечь спать. Впрочем, сразу они не уснули... Молодые здоровые люди, они уже вторую ночь не были вместе, ибо предыдущую ночевали в машине, в чрезвычайной тесноте и неудобстве, к тому же опасались, что к машине может запросто подойти кто-то посторонний. Потому сейчас они уже безо всяких помех и оглядок по сторонам «слились» друг с другом... после чего уснули так, что если бы не звонок пришедшего, как и обещал к семи утра Алексея, то проспали бы невесть сколько.

Алексей объяснил, как проще выехать из города, предупредив, что дорога очень сложная, в основном по горным «серпантинам» и надо быть крайне осторожным. Сергей в ответ заверил, что в Северном Алтае ему приходилось ездить по горным дорогам... Но когда сразу за городом дорога стала резко забирать вверх, а затем с той же крутизной «проваливаться» вниз на манер американских гор, он осознал, что таких дорог ему еще ни разу не приходилось преодолевать. Особенно тяжелый участок начинался сразу за селом «Северным». Здесь сменился и пейзаж. Если до того природа еще как-то напоминала Северный Алтай: склоны гор поросли высоченными елями и лиственницами, вперемешку с березами, разнообразной кустарниковой растительностью, высокими травами, цветами... Здесь же как будто некий волшебник, «рабочий сцены» разом сменил декорации: голые склоны, где изредка пробивались чахлые кустики, или приутилась хилая кривая сосенка. Дорога теперь шла в основном вверх, начались знаменитые серпантины. Дорожное покрытие тоже стало гораздо хуже: асфальт был сильно разбит, а местами отсутствовал полностью. На отдельных ухабах «Жигуль» буквально скреб днищем по этому самому «асфальту». При такой «натуге» датчик температуры воды стал неуклонно ползти вверх, и чем выше забирала «серпантинная» дорога тем выше становилась температура. Вода в радиаторе уже достигла восьмидесяти градусов и грозила вот-вот закипеть. Сергей, в общем, был готов к такому, Алек-

сей предупредил, о тяжелом подъеме на Осиновый перевал и посоветовал взять с собой запас воды в канистре, что и было сделано. Но он не ожидал, что опасность «закипания» возникнет на столь крутом и затяжном подъеме, что остановиться и долить воды будет просто невозможно, ибо сзади «подпирали» сразу несколько автомашин. Свернуть в сторону на узком серпантине тоже было некуда – с одной стороны скала, с другой пропасть...

Слава Богу, старый отцовский шарабан выдержал это крайне нелегкое для него испытание. С величайшим, предельным напряжением он таки взобрался на перевал. На гребне была довольно просторная площадка, где так же едва «залезшие» сюда «клячи» передыхали... Здесь стояла и маршрутная «Газель», причем несколько ее пассажиров отошли в сторонку, где их кого сильно, кого не очень тошнило. Желудки и вестибулярный аппарат супругов оказались достаточно крепкими – они не блевали, хотя тоже не преминули остановиться после этого сумасшедшего подъема. Сергей чертыхаясь, поднял капот, осторожно открутил крышку радиатора, предусмотрительно увернувшись от «горячего плевка», незамедлительно последовавшего из недр системы охлаждения измученного двигателя... Доливая воду он подумал, что если бы в действительности знал какова эта дорога, никогда не решился бы на такое путешествие, да еще с женой. Напротив, Люба совсем не переживала. Ничего не понимая в показаниях автоприборов, она не прочувствовала

всей мучительности подъема и сейчас находясь на вершине одного из высочайших перевалов Алтая, как замороженная смотрела по сторонам и вниз, туда где серпантинной лентой убегало, огибая отвесные скалы шоссе, туда куда теперь им предстояло уже спускаться.

– Сереж, какая здесь высота, мне кажется воздух несколько разрежен. Почти как под Белухой.

– Не знаю, надо карту посмотреть... Ладно, будем надеяться, что самый трудный участок позади и дальше будет легче, – Сергей завернул крышку радиатора и опустил капот.

Спуск, конечно, оказался легче подъема, здесь главную роль уже играл не движок, а тормоза. А их Сергей перед выездом из дома проверял особенно тщательно. Тормоза тоже выдержали испытание. Почти непрерывный спуск продолжался где-то километров десять-пятнадцать, до самого Александровского ущелья, после чего опять начались «американские горки» вверх-вниз... Но после «штурма» и спуска с Осинового это уже не казалось страшным, горы пошли пологие и пейзаж стал приветливее и зеленее, хотя это были не леса а в основном кустарники и луга. Проезжали мимо деревенек Александровки, Березовки... маленьких, унылых состоящих из убогих щито-сборных домиков, грязных неухоженных коровников. Лишь проехав еще километров тридцать, у деревни Селезневки справа от дороги на некотором удалении склон пологой горы был одет сосновым лесом. Именно у Селезневки стоял дорожный указатель с надписью:

«Санаторий Голубой залив – 6 км». Стрелка указателя показывала как раз в сторону леса.

– Ну слава те, кажется почти доехали, – Сергей энергично закрутил баранку и «Жигуль» свернул с основной трассы на перпендикулярную дорогу, ведущую к санаторию.

Снова начался подъем, но совсем не крутой. Вскоре въехали в благоухающий смоляным духом сосновый лес и чем дальше по нему ехали, тем все более забывался оставшийся позади бледный пейзаж. Здесь природа как бы брала реванш, вокруг было обилие зелени, цветов... Даже само солнце как бы стало не тупо припекать, жечь, а ласково и нежно греть. Через лес ехали километра четыре с небольшим подъемом, потом последовал своеобразный мини перевал и... Перед путешественниками предстала поистине дивная картина...

Кажущаяся отсюда с высоты необыкновенной, чуть темнее небесной голубизны водная гладь вдавалась в гористый берег небольшим, но отнюдь и не маленьким заливом, окаймленным с одной стороны опять же кажущимся желто-белым, под цвет молочных сливок песчаным пляжем, с другой, зеленой стеной редкого леса. Со стороны пляжа возвышалось свечей панельная девятиэтажка с парадным входом и сплошным стеклянным вестибюлем на первом этаже – стандартное здание выполнявшее в советское время как гостиничные так и административно – лечебные функции. Кроме девятиэтажки тут же возвышались «хрущобы» два пятиэтажных и одно четырехэтажное здание, по всему

предназначенных для проживания медицинского и обслуживающего персонала санатория. Тут же чернела труба над прокопченными стенами кочегарки. Меж зданиями и пляжем выстроились в трехрядную линейку множество маленьких дощатых домиков с остроконечными крышами, видимо сдаваемых «беспутевочным» отдыхающим в аренду. И все это: пляж, здания, домики, кочегарка опять же «подпиралось» сплошной несколькокилометровой «толщей» сплошного соснового леса, коим поросли все окрестные сопки от верхушек до подножий. Сверху, с перевала, казалось, что это огромные мохнатые зеленые ресницы над голубизной воды-глаз и белизной опять же глазного белка – пляжа. Со стороны даже совсем не эстетичная кочегарка не смотрелась уродливым «бельмом» в этом «глазу», а лишь случайно попавшей соринкой и почти не портила общей картины.

– Ай... как здесь чудесно!– не сдержала восторга Люба и по детски-непосредственно захлопала в ладоши.

– Будем надеяться, что и со всем остальным здесь будет столь же чудесно,– сдержанно отреагировал Сергей, направляя «Жигуль» вниз по дороге, ведущей прямо к парадному подъезду «свечи»...

А отдыхать здесь можно было везде, и как хочешь. Хочешь, ставь палатку и полной грудью вдыхай замечательный

воздух, симбиоз обусловленный наличием стокилометровой длины глубоководной акватории водохранилища и окаймляющих его берега сосновых лесов. Хочешь, живи в санатории, предварительно купив путевку в турагенстве. Путевка обходится на человека менее чем в три тысячи рублей за шесть дней. Правда, удобства в том санатории советские, трехразовое питание и вода в номере через нагреватель. «Беспутевочные» отдыхающие в «Голубом» устраивались по разному. «Дикари» ставили палатки прямо на берегу. Можно было жить и на квартирах в тех самых пятиэтажных «хрущёбах». Местные аборигены сдавали часть своих квартир или даже квартиры целиком отдыхающим примерно за 250 рублей в день. Цена, конечно, плевая, но имелся один немаловажный нюанс, в тех домах за неуплату были отключены газ, вода и отопление, то есть не функционировали ни ванна, ни туалет, ни газовые плиты, за той же водой надо было идти на улицу к колонке и тащить ее на этаж. Потому супруги, выяснив все это, предпочли третий вариант, сняли домик на двоих, опять же за смехотворные 1000 тенге, то есть 200 рублей в сутки. В домике кроме кроватей имелись электроплита, холодильник, посуда... Это что касается удобств. К неудобствам относилась та же вода, за которой надо было ходить на колонку метров за сто-сто пятьдесят, ну и туалет типа сортир на улице, который убирался и чистился тоже по-советски. Само-собой, что еду и приобретать и готовить предстояло самим. Для данной надобности на территории санатория име-

лось несколько магазинчиков, с довольно небогатым ассортиментом товаров. Хоть Коростелевы и были заранее предупреждены об уровне местного сервиса, тем не менее, восприняли все без особого восторга.

Заселившись в домик, они собирались, наконец, отдохнуть с дороги, но не тут то было. К «новеньким» тут же стали по одному и небольшими компаниями стучаться не то работники санатория, не то «самостоятельные менеджеры по туризму». Они стали наперебой предлагать свои услуги, от катамаранов и лодок напрокат до путешествия на парусной яхте в самые отдаленные уголки Бухтарминского водохранилища, уверяя, что дешевле чем у них только даром...

Собственно, водохранилище, «рукотворное море» возникло в результате строительства на рубеже 50-х и 60-х годов двадцатого века плотины Бухтарминской гидроэлектростанции перекрывшей Иртыш. Кстати, один из предлагаемых туристских маршрутов и был экскурсией на автобусе в город Серебрянск, расположенный у подножия той плотины. Эту экскурсию супруги единодушно отклонили, так как ехать предстояло за сорок километров и почти на весь день... А дни... погода стояла как на заказ и такие дни терять было грех. Они же сюда не для того приехали, чтобы на всякие там плотины смотреть. Они приехали сюда получать удовольствия иного рода – купаться, загорать...

Увы, получить ожидаемое наслаждение от того же купания было довольно сложно. Сергей, потеряв терпение, ре-

шил искупаться сразу же и одев плавки побежал на пляж, благо до него было рукой подать. При первом же заходе в воду, он, проплыв туда и обратно метров двадцать тут же выскочил на берег и стал энергично «танцевать» на месте. Только после этого он обратил внимание на то, что любителей купаться совсем немного – вода в заливе даже сейчас в середине июля была никак не выше 17-18 градусов, хотя песок пляжа был горяч и приятно согревал ступни и все тело после бодрящей «водной процедуры».

– Водичка, скажу тебе, здесь не фонтан, гораздо холоднее чем у нас в Оби, – уже в домике, пояснил он Любе то, почему так быстро прибежал назад. – Дай полотенце, разотрусь, а то у меня от такого купания зуб на зуб...

– Садись ешь, обед уже готов, – подала полотенце Люба. – Ну уж если такому мерзляку как ты холодно показалось, то мне вода будет в самый раз, – она разливала суп, приготовленный из пакетов «Русский продукт», которыми они запаслись впрок еще в Барнауле.

– Не знаю, не знаю... боюсь что и тебя эта водица даже через твой жирок проймет. Пойдешь купаться, осторожнее, далеко не заплывай, здесь дно резко уходит, уже через два-три метра от берега глубина с руками...

Супруги пообедали и уже вдвоем пошли на пляж. Если купающихся было немного, то загорающих особенно к вечеру прибывало все больше, и буквально весь пляж длиной метров в двести и шириной в тридцать сорок был усеян телами

– человек триста не меньше. Пляж был «оборудован» еще в советское время. Песка, чистейшего белого завезли столько, что он, наверное, не меньше чем на метр «похоронил» под собой собственно скалистый берег с северной стороны залива. Благодаря своей белизне он в значительной степени отражал солнечный свет, и потому не раскалялся до нетерпимой температуры, ну и позволял отдыхающим загорать как под прямыми, так и под отраженными лучами, создавал особый «курортный» загар.

Сергей больше не рискнул лезть в воду, а растянувшись на одеяле «отдался» солнцу. Люба же осторожно, но без боязни вошла в воду и отплыла туда, где несколько человек, в том числе и дети, загорали лежа на надувных матрацах. Новые отдыхающие, конечно, не могли не привлечь внимания «сторожилков». Сергей, рослый худощаво-мосластый, естественно заинтересовал женскую «аудиторию» пляжа, составляющую не менее 60-65% общего «населения», ну а Люба, двадцатисемилетняя, среднего роста, полненькая, в тугом бирюзовом раздельном купальнике, белея открытыми пока еще молочно-белыми округлостями груди и бедер, конечно же привлекла взгляды близлежащего мужского меньшинства. Против ожидания Люба довольно спокойно выдержала в воде минут десять, после чего вышла, и пошла по песку, оглядывая тела к своему одеялу, делая вид, что «в упор не видит» многочисленные оценивающие взгляды. Обдав мужа холодными каплями, она улеглась рядом и резюмировала:

– Нормальная вода.

Тут к берегу, заложив вираж, подрулил водный мотоцикл и к нему сразу выстроилась очередь желающих прокатиться. Сергей же стал приглядываться – что за народ сюда понаехал? Национальный состав отдыхающих был довольно однороден. Подавляющее большинство составляли, так сказать, лица славянского происхождения. По обрывкам разговоров, фразам и репликам Сергей определил, что почти все эти «славяне» так же как и они приехали из России, и в основном из близлежащих сибирских регионов. Здесь было немало и земляков-барнаульцев, и отдыхающих из Кемерова, Новокузнецка, Прокопьевска, Томска, были и новосибирцы и омичи, были и семьи откуда-то с Урала. Были и казахстанские русские в основном с Усть-Каменогорска, но были и с Семипалатинска и Павлодара. Славян было до восьмидесяти процентов «населения» пляжа. Остальные двадцать составляли представители местной «титульной» нации. Впрочем, казахи были далеко не однородны. Так называемые «северные» казахи отличались более белой, ничем не отличимой от славян кожей и тем, что общались даже друг с другом только на русском языке. Причем говорили так, что сразу становилось ясно – это их родной язык. О том свидетельствовало не столько чистое произношение, сколько то, что не могли общаться, например, мать с сыном, или молодые муж с женой на неродном языке. Совсем другие казахи южные. Эти были, как правило, ниже ростом, имели более темную кожу

и часто независимо от пола кривые клещеобразной формы ноги. Последние особенно уродливо смотрелись обтянутые джинсами. «Южные» меж собой общались в основном по-казахски, а по русски говорили с тюркским акцентом. Чем и северные и южные казахи были схожи кроме, конечно характерной раскосости, это худобой, причем часто нездоровой. Даже люди в возрасте в основном были поджары. Сергей был в курсе, что эта всеобщей худобы была вызвана вовсе не здоровым образом жизни степняков-казахов, а тем что в последние 70-80 лет, потомственных скотоводов-кочевников буквально заставили сменить образ жизни на оседлый, и резко поменять веками выработанный рацион питания, где основную долю составляла мясная пища. А с мясом в светские времена всегда была напряженка и это обстоятельство сильно отразилось на внешнем виде и физическом развитии казахов. Особенно явно неестественность этой худобы проявлялась в сравнении фигур женщин и девушек, казашек и русских. Даже русские девчонки школьного возраста на том пляже смотрелись куда упитаннее и резвее чем их ровесницы-казашки. Еще большая разница наблюдалась и в сравнении девушек и молодых женщин. Что касается женщин средних лет и старше... Среди зрелых казашек лишь единицы нагуливали естественные для женщин в возрасте телесные излишки, среди русских, наоборот, единицы их не имели. Возможно по той же причине в воде залива, как правило, бултыхались только русские тетки. Изрядная жировая прослойка

позволяла им не ощущать дискомфорта от прохладной воды. Казашки, за редким исключением, вообще в воду не лезли.

Со следующего дня супруги начали более детальное ознакомление с «Голубым». Люба походила по местным торговым точкам и купив необходимые продукты произвела расчет, переводя местные цены в рубли. После чего она сообщила Сергею, что сослуживец его не обманул, питание здесь действительно обойдется значительно дешевле, чем если бы они отдыхали у себя на Северном Алтае. То же сообщил ей и Сергей касательно цен на пиво, которого купил сразу десять бутылок. Пиво было усть-каменогорского и карагандинского производства и стоило меньше десяти рублей. По цене оно конечно было значительно дешевле имеющегося здесь же в продаже нескольких сортов российского. Впрочем, выпив бутылку, Сергей пожалел, что купил так много. Такого пошла он не пил уже давно, с советских лет и успел позабыть тот «специфический» вкус. Он даже поперхнулся:

– Ну, сучары, что делают... это же не пиво, моча.

Люба взяла недопитую бутылку, отлила в пластмассовый стакан, попробовала:

– Да...это, конечно не только не «Хольстен», но даже далеко не «Старый мельник». Но знаешь, оно вполне соответствует всему здешнему сервису.

– Да какой тут может быть сервис,— недовольно буркнул Сергей.— Вон в сортир куда бегать приходится.

– Вам еще терпимо, а нам... К нам в женский в середине дня очередь отстаивать приходится.. Знала бы от одного этого не поехала бы. Твой друг про это ничего не говорил,– лицо Любы тоже выражало крайнее недовольство.

– А что он мог сказать, он же в прошлом году не в доми-ке, а в санаторном корпусе жил, а сюда по путевке приехал, в турагенстве ее купил. Он всех этих прелестей не пережи-вал,– попытался оправдаться Сергей.

Тем не менее, Люба еще долго выражала недовольство, перечисляя все здешние неудобства, обязательно всякий раз «подитоживая»: «Знала бы, ни за что не поехала».

5

Вскоре супруги обнаружили, что этническое разнообра-зие отдыхающего народонаселения русскими и казахами не ограничивается. Невероятно, но здесь же оказались и чечен-цы, причем исключительно молодые парни так называемо-го «призывного возраста». Их было человек пятнадцать-два-дцать и они тоже как бы делились на два «подвида», те кто ходили небольшими кодами по три четыре человека, с на-рочитой наглостью разглядывая загорающих женщин, и тех кто ходил с девушками, исключительно довольно симпатич-ными казашками. То, что это были именно чеченцы, а не какие другие кавказцы они всячески подчеркивали своим внешним видом. Некоторые из них носили характерные вах-

хабитские бородки, другие майки с надписями на спине и груди: «Чечня».

– Господи, эти-то что здесь делают и как они сюда попали, неужто из Чечни приехали!?!– поймав на своей груди и бедрах алчный взгляд одного из «ваххабитов» забеспокоилась Люба.

– Навряд ли. Скорее всего это местные, казахстанские чеченцы,– высказал наиболее вероятную догадку Сергей.

– А что разве они и в Казахстане есть?– изумилась Люба.

– Есть, их сюда еще при Сталине сослали, а потом назад не все вернулись, некоторые так и остались,– пояснил Сергей.

Кроме женщин чеченцы пристально приглядывались и к автомобилям отдыхающих, если таковые были припаркованы рядом с домиками или на площадке возле санаторного корпуса. Увидев «Жигуль» Коростелевых, члены одной из проходившим мимо «кодл» с презрением на него кивали и перебросились соответствующими замечаниями. Люба, общаясь с временными соседками, выяснила что чеченцы приехали сюда на трех крутых джипах и живут в самых дорогих номерах в главном здании санатория, и что днем ведут они себя пока что относительно мирно. Но, вот, по вечерам, когда на открытой танцверанде устраиваются дискотеки, то там они нет-нет, да и покажут свой «норов». Как водится, особую активность они проявляли в попытках познакомиться с девушками, хвастаясь наличием больших денег. С казашками этот «фокус» проходил, но русские пока не «клева-

ли» и это джигитов очень обижало. Потому возникали конфликтные ситуации, и охране санатория уже не раз приходилось вмешиваться, чтобы предотвратить назревавшие драки. Несмотря на это дискотека была самой востребованной формой вечернего развлечения. Сергей с Любой хоть уже и успели отвыкнуть от своей студенческой тусовочной жизни... но люди-то они были еще молодые, к тому же находились в отпуске, без ребенка... Они решили тоже сходить на дискотеку. Люба вообще высказалась безапелляционно-твердо:

– Что же теперь из-за этих чеченцев не жить совсем»?

Сергей согласился с женой, тем более от земляков-барнаульцев с которыми здесь успел познакомиться, узнал что на чечен тут тоже есть определенная «узда».

– Они, конечно, залупаются, но откровенно беспредельничать побаиваются, здесь в полиции почти одни русские, и спуску им не дадут. Они ведь все здесь от службы в казахской армии косят или уже откосили. У себя, там где живут, они взятки в военкоматах дают, отсрочки покупают, а здесь им если «засветятся» и статью за уклонение могут припать, здесь порядка больше чем там где в полиции казахи служат, – окончательно прояснил ситуацию один из новых знакомых Сергея, отдыхающий из Кемерова.

На дискотеку пошли в тот же вечер, второго дня пребывания в «Голубом». Музыкальное сопровождение было довольно невысокого качества, использовали музыкальный центр и усилительные колонки. В остальном все было как

езде: дергались, вихлялись, кричали, визжали во время быстрых танцев и «качались-кружились» во время медленных. Народу было человек сто пятьдесят-двести, в основном молодежь, но были и представители среднего поколения и отдельные индивидуумы из числа старшего. Так что Люба с Сергеем, чей возраст можно было определить как переходный от молодого к среднему здесь вовсе не смотрелись «белыми воронами». Музыкальный «дисковый» репертуар был типичный СНГшный, то есть смешанный, состоящий из западных и российских исполнителей. Тут были и изрядно устаревшие «Абба», «Баккара», «Иванушки интернейшенел», Серов, даже покойный Женя Белоусов со своим забойно-завлекательным хитом «Девочка моя ненаглядная». То есть многое из того, что в России, даже в провинции успели подзабыть. Были и новые: «Сливки», «Виагра», «Звери»... Казахстан был представлен «А-студио» и Муратом Насыровым, если конечно их можно назвать таковыми, ведь эти артисты только по рождению были казахстанцами, а жили уже давно в Москве и выступали в основном в России.

Как и полагалось на дискотеке народ отрывался по полной. Несмотря на то, что к вечеру стало довольно прохладно, некоторые парни были с голыми торсами, ну а девушки и женщины в основном с обнаженными плечами и пупками. Сергей и Люба тоже как бы сбросили с себя «груз» нескольких последних лет семейной жизни и хотя бы временно старались чувствовать себя как тогда, когда были совсем моло-

ды и беззаботны. Они и оделись соответственно, он в кроссовки, джинсы, бейсболку и майку с надписью «Водка Алтай», Люба... Любе было несколько тяжелее облачаться в молодежный прикид, нежели худощавому Сергею, ибо едва ли не все ее девичьи, студенческие джинсы, кофточки... и прочее стало настолько малы, тесны, что и брать с собой не было смысла. Большинство русских женщин переходя в это состояние из девичества, тем более после рождения ребенка имеют тенденцию сильно прибавлять в весе. И Люба не избежала этой естественной участи. И хоть, как говорил Сергей, она от этого только выиграла... но сейчас в своих хоть и пошитых как джинсы, но таковыми не являющимися темно-коричневых вельветовых брюках, имеющих свойство растягиваться и короткой майке с патриотичной надписью «www.russia.ru» и маленьким триколором... Даже в этом «тинейджерском» наряде и той же бейсболке Люба никак не смотрелась тусовочной девицей, уж очень выпирало все ее добротное женское естество. Впрочем, здесь было немало женщин средних лет выглядевших примерно также. А вот Сергей смотрелся рядом с женой каким-то мосластым недорослем.

Дискоотека вроде ничем не отличалась от таковых же происходивших в соответствующих российских местах массового отдыха, если бы не группы стоявших в стороне чеченцев. И это вносило какую-то давящую над всем дополнительную напряженность. Все вроде бы веселились, отрывались, но в то же время будто настороженно чего-то ожида-

ли, чего-то из ряда вон выходящего. И действительно время от времени что-то этакое происходило. Те чеченцы, которые были со «своими» казашками, те танцевали, как правило очень топорно, но энергично и специфически-агрессивно, обязательно привнося в элементы своего быстрого танца особые кавказские телодвижения в которых сквозила опять же какая-то специфическая агрессия. В медленных танцах они всячески старались подчеркнуть, что при желании могут делать со своими партнершами все что захотят. Это выражалось в этакой хозяйской манере поведения, девушек они обнимали нарочито небрежно, их лица выражали не влюбленность, а скорее высокомерное презрение. И за бедра, задницы, голые животы они хватали их не вроде бы невзначай, а опять-же не страстно, а нарочито по-свойски, чтобы все окружающие это видели, и оценили то что они хотели этим сказать: мы их купили с потрохами, мы их хозяева. Казашки все это сносили с «олимпийским» спокойствием, никак внешне не реагируя.

Впрочем, основная напряженность исходила от тех джигитов, которые были без девушек. Эти стояли сгруппировавшись у ограды танцверанды и высматривали «жертвы». Вот один из этой «стаи» перед медленным танцем подошел к худенькой, но с симпатичным лицом молодой казашке, рядом с которой стоял невысокий парень-казак в обвисших джинсах. Видимо, джигит пригласил ее на танец. По всему, девушка не хотела идти и бросала соответствующие взгляды на своего

парня, ища у него защиты. Но тот явно растерялся. Джигит тем временем его приобнял похлопал по спине, что-то сказал и указал глазами на своих товарищей у ограды... Молодых казахов на танцверанде было раза в три четыре больше чем чеченцев, тем не менее казах спасовал и джигит подхватив его вконец растерявшуюся девушку и под тягучие звуки песни «А-студио» начинает откровенно прижимать ее к себе, лапаты за голую поясницу и живот...

Однако, этот случай, был нетипичен, прочие казашки как молодые так и не очень обычно добровольно шли танцевать если их приглашали чеченцы. Некоторые, станцевав два, а то и один танец тут же вместе с ними уходили с танцверанды. Люба от одной из своих новых соседок, которая тоже пришла сюда тут же узнала, что тут присутствует определенное количество казашек специально приехавших «словить» именно чеченца. И те кто потом постоянно «ходили» с ними были из тех самых «ловильщиц». Почему именно чеченцев? Причина была примерно той же, которая в советские времена «толкала в объятия» кавказцев некоторых русских девчонок. Как тогда именно кавказцы были богаче едва ли не всех простых русских парней, так и сейчас в 2005-м году в Казахстане местные чеченцы по достатку во много раз превосходили опять же простых казахов, не принадлежащих к правящим чиновным кланам. В республике при относительно высоких пенсиях и зарплатах госслужащих, прочие заработки были крайне невысоки, а чеченцы весьма успешно занима-

лись всевозможным подпольным бизнесом по транзиту как афганского героина, так и среднеазиатской анаши, «держали руку» и на торговле «паленым» спиртным, контрабанде оружием... В общем чеченцы в Казахстане имели постоянный неплохой доход, причем относительно безопасный, ибо органы внутренних дел в Казахстане были куда слабее чем в России, не менее коррумпированы, и если начистоту, откровенно побаивались связываться с джигитами. У чеченцев существовало неписанное правило неукоснительно претворяющееся в жизнь: молодой джигит должен быть хорошо, дорого одет, ездить на хорошей машине и иметь в кармане достаточно денег, чтобы хорошо с шиком погулять. Потому отцы и старшие братья, «наварив» денег, немалую долю отдавали младшим... Впрочем, часто совсем юные чеченцы помогали старшим обделывать их «дела» и имели свою заслуженную долю. Сергей отчасти и сам был в курсе теневой жизни Казахстана, но здесь ему еще подробнее все это объяснили его новые знакомые, приезжавшие сюда уже не первый раз. Они же пояснили, что это молодая поросль крутых чеченских семейств в очередной раз приехала «оттянуться» в «Голубой». Они всячески кичились своим богатством, и это было не бахвальство, деньги у них действительно были и по всему немалые, И не только дорогие джипы на каких они приехали, говорили о том, они покупали самые дорогие сигареты и вино, не жалели денег на самые дорогие виды развлечений. Единственно они совсем купались и не загорали

– не находили в этом никакого удовольствия. Все это по совокупности выделяло этих молодцов из общей массы приехавших сюда не очень богатых русских, которых, как и Коростелевых в первую очередь привлекла сюда дешевизна отдыха и откровенно бедных, а то и нищих казахов, считавших дрожащими руками каждый тенге.

Тем не менее, русские девушки к чеченцам совсем не «липли», а то и откровенно игнорировали, даже те что приехали с недвусмысленной целью «словить мужика» на время отпуска, а если повезет то и с «пролонгацией» отношений. Чеченцы пытались «подкатиться» как к одиноко стоящим русским девчонкам, так и танцующих группами, пытались заводить разговоры и с женщинами постарше, пришедшими на дискотеку без мужчин. Но даже тридцатилетние, словно сговорившись, дружно отказывались с ними как танцевать, так и разговаривать. При этом джигиты иногда не сдерживались, возмущались, выкрикивали, хватали строптивиц за руки. Те тоже кричали, вырывались, звали на помощь. Вмешивалась охрана... С охраной чеченцы связываться не решались и отступали. Так что дискотека начавшаяся еще за светло в восемь часов, в общем-то проходила как обычно, чтобы закончится около полуночи.

Сергей, видимо от того, что достаточно давно не имел танцевальной практики, довольно быстро устал от дерганий и кривляний под музыку. В общем, ему это занятие почти сразу надоело. Видимо, такого рода «отрыв» все больше соот-

ветствует молодежному мировоззрению, а он из того возраста, как ни крути, уже вышел. Люба, напротив, казалось помолодела на несколько лет и про все забыв изгибалась, изображая некую танцевальную эклектику, в которых присутствовали и элементы узнанного еще от матери твиста и шейка и даже «бабушкиного» фокстрота. В быстрых танцах она «дергалась» без устали, словно стремясь натанцеваться в прок на несколько лет вперед, будто предчувствуя, что предстоящие житейские, семейные заботы вряд ли будут ей часто предоставлять такую возможность. По ее довольному, даже счастливому лицу было видно, что душой она сейчас там в середине девяностых, когда она «отрывалась» на студенческих балах, вечеринках, пикниках... Увы, Сергей не мог ее в этом поддержать, но и не препятствовал. Он отошел к группе мужиков земляков-барнаульцев и кемеровчан, с которыми они сошлись на ниве любви к пиву и у которых жены так же «отрывались» в общей «куче». Под разговор о том, о сем, про цены и качество пива и спиртного здесь и в России... Некоторые мужики «принесли с собой», пивные бутылки пошли из одних рук в другие... В этой компании Сергею местное пиво уже не казалось противным, как в тот момент, когда он попробовал его впервые...

Люба в своих темно-коричневых вельветовых, но сшитых

как джинсы брюках и короткой бело-голубой майке, конечно, не могла не выделяться среди как своих ровесниц, которые оставив мужей пить пиво у ограды танцверанды, лихо двигали бедрами, сотрясали голыми уже не девичьими, а изрядно заматеревшими округлыми животами, не стесняясь показывать даже следы естественных порывов на них, часто происходящих во время родов... Русские женщины в возрасте от 25-ти до 35-ти это особая статья. Если успели выйти замуж и даже обзавестись ребенком, они как правило еще не успели ни уработаться, ни приобрести бесформенной рыхлости. А молодой жирок, который, опять же, именно в этом возрасте покрывает их тела придает им вовсе не обрюзглость, а ту притягательную полноту, которую особенно ценят большинство мужчин старшего и среднего возраста и едва ли не все выходцы с юга.

Так вот, даже среди своих ровесниц Люба выделялась. Во-первых у нее были довольно удачные роды и ни одного порыва не просматривалось на ее упругом хоть и довольно объемистом животике. Потом, она достаточно умело и изобретательно танцевала. К тому же она хоть всего дважды по несколько часов успела здесь позагорать под прямыми и отраженными лучами солнца, но этого оказалось достаточно, чтобы ее светло русые волосы превратились едва ли не в льняные. Потому по совокупности с учетом косметических ухищрений, заключавшихся в предварительной «маске» из купленной свежей клубники, ей по лицу можно было дать 22,

ну самое большое 24 года. Конечно фигура... слишком упитанное, явно не девичье тело, туго обтянутое майкой и вельветом брюк, соблазнительно колышущееся сочными округлостями, особенно когда она делала нечто похожее на вращение тазом, позаимствованные из репертуара профессиональных танцовщиц танца живота... Это несоответствие лица вроде совсем еще молоденькой девушки и роскошного тела зрелой женщины не могло не привлечь внимания. И привлекло...

Сергей в ответ на предложенное ему пиво, достал пачку «Кента» и дал мужикам закурить. Здесь курили свободно, и потому на танцверанде стоял соответствующий смог. Мужики так увлеченно переговаривались, словно пришли на дискотеку именно ради этого и совсем не обращали внимания на своих «отрывающихся» жен. Во время медленных танцев те даже танцевали не с мужьями, а со случайными приглашавшими их партнерами, ну а во время быстрых в своем «девичьем кругу», куда вполне естественно присоседилась и Люба. Правда на медленные танцы она не следовала примеру своих временных подруг, приглашавшим ее парням отказывала, а всякий раз подбегала к Сергею и чуть не силком тащила его «в круг».

– Ну, ты что!? Не видишь что ли, меня посторонние приглашают. Хоть танго-то потанцуй со мной. Что мне с малолетками, или с этими старыми дон-жуанами, брюханями танцевать?– вроде бы возмущалась Люба, но сама явно была до-

вольна, что вызывает немалый интерес.

А Сергей, стойко оттанцевав медленный танец, вновь отправлялся в сосущую пиво, курящую и беседующую на злободневные темы мужскую компанию. Тем не менее, краем глаза он постоянно держал жену в поле зрения.

За Любой, видимо, наблюдали уже давно. Но быстрые танцы она танцевала среди женщин, на медленные бегала за мужем. Так что посторонним мужчинам пригласить ее было непросто. Скорее всего, все это «просчитал» тот самый чеченец, который наиболее откровенно «играл на публику», «хватал» пришедшую вместе с ним казашку, этакую лунолицую, очень приятную на лицо. Однако, как и у большинства прочих казашек ее обтянутые джинсами бедра и ноги были настолько узки и тонки, голый живот скорее вдавлен, чем выпукл... Для ценителей «стройности» она, конечно, была «то что нужно». Но, как правило, худые женщины в основном нравятся склонным к полноте мужчинам и парням. Среди кавказцев таковых много среди азербайджанцев, меньше среди грузин и армян. Но чеченцы, все равно где они родились и выросли, на Северном Кавказе или в Казахстане, как правило, подбористые и худощавые, особенно в молодости. Отсюда их естественная тяга к противоположности, к полным девушкам и женщинам, достаточно редко встречающаяся среди их молодых соплеменниц. Видимо и этот джигит, забыв про казашку, с которой пришел, во все глаза смотрел на эту вельветово-крутобедрую блондинку. У него, ви-

димом возникло желание, а кавказцы, особенно по молодости не склонны эти желания подавлять, ни волевым усилием, ни чувством дисциплины. Он без тени смущения покинул свою луноликую спутницу и стал пробираться среди танцующих к этим так его манящим вельветовым бедрам и колышущимся в такт музыке животу, груди, вздымавшей изображение российского триколора и надпись «www.russia.ru». Он явно намеревался перехватить ее до того, как она по окончании быстрого танца успеет убежать к мужу...

Сергей заметил, что к Любе приблизился посторонний, молодой чеченец с характерной бородкой, когда тот уже оказался рядом с ней. Он даже на расстоянии увидел, как только что ее беззаботное, веселое лицо исказила гримаса настоящего испуга. Джигит, бесцеремонно оттеснив стоявших рядом с Любой женщин, пытался «дергаться» рядом, с ней в паре. Хоть танец еще не закончился, Люба уже не танцевала и оглядывалась на Сергея – видит ли он? Ритмичная музыка песни в исполнении Кайле Миноуг «Твои глаза» закончилась. Следующим должен был быть медленный танец и чеченец для того и подскочил заранее, чтобы пригласить эту русскую без помех, когда рядом нет мужа. Люба не слушая, что тот ей говорил, повернулась чтобы идти к Сергею, но джигит заступил ей дорогу, она попыталась обойти, но тот схватил ее за руку, и вновь развернул к себе лицом: показывая, что недоволен тем, что его не слушают. Люба рванулась, но джигит держал крепко. Сергей, преодолевал толщу людей,

пытаясь прийти жене на помощь, это увидел чеченец и предчувствуя, что его предложение уже наверняка не будет принято, не удержался чтобы успеть сделать хотя бы то, что в данный момент ему более всего хотелось. Не выпуская запястья Любы, он вторую руку положил ей на живот, на самый столь притягательно нежный венерин бугорок возле пупка, наиболее соблазнительно сотрясавшийся во время быстрого танца...

Это прикосновение явно придало сил Любе, к тому же и Сергей был уже в нескольких шагах.

– Не смей меня трогать, сволочь!– крик при стихшей музыке прозвучал так громко и пронзительно, что на него обернулись буквально все.

Чеченец тут же убрал руку и отпустил Любу, после чего она уже оказалась в объятиях мужа.

– Ты что же, гад, делаешь, а?! Зачем к замужней женщине пристаешь!?!– заорал уже Сергей, пряча жену за себя и становясь в боксерскую стойку. Несмотря на худобу, он был выше и шире чеченца, к тому же и его кулаки смотрелись внушительно.

– А на ней не написано, что она замужняя! Замужние одни не танцуют!– ничуть не растерявшись, нагло ответил джигит, кося взгляд на кулаки Сергея и сунув руки в карман.– Я ее только потанцевать хотел пригласить. Что нельзя?

– Так не приглашают, и вообще у нас к незнакомым девушкам на «вы», а не на «ты» обращаются!– выглянув из-

за Сергея возмущенно продолжала кричать Люба, одновременно вцепившись в руку мужа, явно намереваясь воспрепятствовать ему вступить в драку.

Танцы прервались, к месту инцидента с одной стороны подтягивались джигиты, с другого мужики, с которыми Сергей только что курил и пил пиво. Тут же появились и охранники.

– Что случилось, из-за чего весь сыр-бор... девушка вас кто-то обидел!?!-один из охранников, видимо старший обратился к Любе.

– Нет... нет... ничего, все нормально... Сережа пошли отсюда,– она неожиданно сильно потянула мужа к выходу...

– Сволочь черная! Все настроение угробил...! Так хорошо отдыхали... Нигде от этих бандитов покоя нет,– уже отойдя от танцверанды дала волю своим чувствам Люба.

Тем временем у них за спиной вновь ожили усилительные колонки, из которых раздавался задержанный медленный танец.

– Ты что Люб...почему охране то ничего не сказала?– недоумевал Сергей.– Этот же гад тебя лапал.

– А что бы они им сделали, что!? Ну внушение бы сделали, ну с дискотеки бы выгнали, а потом нам бы с тобой отсюда бежать пришлось. Ты что чеченцев не знаешь?! Я думаю, нам и сейчас лучше отсюда уехать, пока не поздно. Они теперь от меня не отстанут,– они стояли у своего домика, причем

Люба озабоченно оглядывалась – не преследуют ли их.

– Да ну брось... Неужто тут такой беспредел?– не соглашался с женой Сергей.

– Не знаю, но ведь в России-то они беспредельничают. А здесь, что другие чеченцы живут? Надеюсь, хоть здесь спокойно отдохнем...

Постепенно тревога жены передалась и Сергею. На всякий случай заперли дверь и провели ночь в тревожном полусне, даже не вспомнив о естественной любовной близости.

Но их в эту ночь никто не побеспокоил... На следующее утро к ним пришли земляки с кемеровчанами и их жены. Они рассказали, что после того как Сергей с Любой покинули дискотеку, чеченцы собрались кучей и что-то бурно обсуждали. Один из них, видимо самый старший, что-то долго выговаривал тому, который приставал к Любе, даже кричал на него. Затем они все покинули танцверанду. Мужики заверили, что случись чего, они готовы прийти на помощь. Сергей благодарил, но Любе эти заверения уверенности не добавили:

– Ага, держи карман шире, придут они. Что у них есть-то, кулаки? А у этих ножи, а может и пистолеты имеются. Ох, боюсь они сговаривались, как нас подкараулить. Нет, Сережа отсюда надо уезжать. Только не днем, а как стемнеет, и фар не зажигать, чтобы в погоню не пустились. На своих иномарках они нас с тобой в два счета...

– Да брось ты паниковать Любаша, зачем же мы сюда при-

ехали, чтобы через три дня убежать ночью как зайцы. Тут же кругом люди, вон земляки наши с Барнаула, кемеровские. А кемеровские это ребята твердые, если пообещали... – возразил было Сергей.

– Какие кемеровские, они что бандиты кемеровские, обыкновенные семейные мужики. Помнишь, сам возмущался, когда узнал, как в том Кемерове на Новый год, какого-то чемпиона, гордость города, которого все знали, бандиты изрезали и кругом люди были и ни один не вступился – жить-то всем хочется, – привела свой аргумент Люба.

– Да, действительно, Чигишева, штангиста, чемпиона Европы... а друга его вообще насмерть, – явно смутился Сергей, при упоминании, этого позорного для Кемерова случая, который потом долго был притчей во языцах во всей Западной Сибири.

И тем не менее, Сергей не драматизировал ситуацию в той же степени, что и Люба, для которой естественное женское желание, сохранить в первую очередь семью, то есть жизнь свою, мужа и не оставить сиротой ребенка, превалировало над всей наносной цивилизационной «накипью», типа гордости, веры в соблюдение законности и прав человека...

– Ты что же не понимаешь, что может случиться!? Нас здесь убьют, камни на шею и в воду. И никто не то что не вступиться, даже искать не будут. Здесь ведь не Россия, кому мы нужны. Ты о родителях, о Веруньке подумал?...

Супруги спорили не входя из дома, не загорали, не купа-

лись, хоть погода была такой же как в предыдущие дни, солнечная, что-то около тридцати градусов. А после обеда к ним постучали. Это был чеченец, но не тот который приставал к Любе, и он был один.

7

Он был молод, но заметно старше тех, что приходили на дискотеку. Хотя возраст у этнических кавказцев, особенно у молодых, определить довольно сложно – они, как правило, смотрятся старше своих лет. Этому на вид было не менее 25-ти лет, может даже под тридцать.

– Пойдем, поговорить надо,– спокойно предложил он, среднего роста, черноволосый, до синевы выбритый.

Его фигура не являла образец крепости, зато глаза... Какая-то особая сила угадывалась во взгляде. Он стоял на пороге и обращался к Сергею, нарочито не замечая замеревшую у газовой плиты Любу. Тем не менее, первой на его слова отреагировала именно она:

– Никуда он не пойдет! Сережа не ходи!– в ее голосе появился тот же вчерашний животный испуг.

– Не бойся, тебя никто из наших здесь не тронет,– опять игнорируя женщину, словно ее здесь и не было, проговорил чеченец. Он произносил слова с такой твердой отчетливостью... словно заколачивал с одного удара гвозди.

Люба вновь вознамерилась, что-то возразить, но чеченец,

наконец, и на нее перевел свой «сильный» взор, и она сразу осеклась.

– Ну, что ж, если надо, пойдём поговорим,– вроде бы непринужденно, но с трудом сдерживая волнение ответил, наконец, Сергей, выходя вслед за визитером на улицу.

– Тебя Сергей зовут?– спросил чеченец, когда они, провожаемые тревожным взглядом Любы, отошли от линии домиков к пляжу.

– Да.

– А я Вахид, будем знакомы,– чеченец остановился и протянул руку.

Такое, несвойственное для чеченца поведение несколько озадачило Сергея. Во-первых, его речь была совершенно нехарактерна для подавляющего большинства не только чеченцев, но и вообще кавказских горцев, особенно это интеллигентное «будем знакомы». Ну и, конечно, Сергей никак не ожидал, что тот начнет с рукопожатия. Однако, и на этот раз не подав вида, он пожал протянутую руку.

– Вот что Сергей, я пришел извиниться перед тобой за того нашего парня. Он вел себя недостойно, и ты его здесь больше не увидишь. Я отправил его домой. Передай это своей жене. Перед ней я извиняться не буду... ну ты понимаешь, у нас не принято извиняться перед женщиной,– Вахид смотрел пытливо, явно пытаясь определить, что думает Сергей.

– Домой... Это куда... далеко?

– В Жангиз-Тобе. Мы все оттуда. Знаешь такое место?

Сергей недоуменно покачал головой.

– Зайдем в палатку, пива возьмем, я угощаю,– Вахид кивнул на близлежащую торговую точку.

Он взял две бутылки дорогого российского пива, и они сели на лавку неподалеку от танцверанды. Проходящие мимо с интересом на них смотрели. Видимо, если и не все, то большинство отдыхающих были в курсе случившегося на дискотеке.

– Жангиз-Тобе, это поселок возле станции на Турксибе, отсюда километров двести. Ты сам-то откуда?– пояснил и тут же задал вопрос Вахид.

– Мы из Барнаула.

– Ну, тогда мы не так уж далеко друг от друга живем. Жангиз это примерно сто-сто пятьдесят километров от Семипалатинска в сторону Алма-Аты,– еще уточнил Вахид.

– Ну, не так уж и близко, от нас наверное по железке до Семипалатинска километров триста с лишком будет, да плюс еще полтора, возразил Сергей.

– Да, ерунда, разве это далеко... Ты с какого года?– удивительно быстро «сближался» Вахид.

– С семьдесят пятого,– откровенно ответил Сергей.

– А я с семьдесят седьмого... Мы же с тобой почти ровесники,– в голосе чеченца звучала какая-то обезоруживающая непосредственность.– Мне вот тут поручили за своими ребятами присмотреть, старики наши попросили, чтобы чего-нибудь не натворили. Да за всеми разве ж уследишь. Вче-

ра вот не пошел с ними... ну и сам знаешь. Наша молодежь она такая, за ней всегда присмотр нужен...

И вновь речь Вахида не походила на речь обычного чеченца. Он говорил фактически как русский, или долго среди них живший. Но Сергей не счел себя вправе более подробно расспросить собеседника, с которым был знаком не более десяти минут. Вахид же подобной церемонности не испытывал и расспрашивал не стесняясь:

– Ну, как у вас там в Барнауле жизнь-то?

– Да так, ничего, жить можно, – неопределенно пожал плечами Сергей.

– Ты чем занимаешься, работаешь?

– Да... в фирме по производству и продаже некоторых продуктов, – непосредственно-искренней интерес собеседника, сделал Сергея совершенно откровенным.

– Это каких продуктов? – с долей усмешки на такое, по его мнению, несерьезное занятие, спросил Вахид.

– У нас производят колбасу, пельмени, соленую и копченую рыбу, но в основном мороженое около двухсот наименований. Продукцию реализуем в городе и по всему Алтайскому краю, а мороженое по всей России, даже в Москву отправляем, – не преминул похвастать Сергей.

– И кем ты там? – вновь с долей скепсиса спросил Вахид.

– Менеджер по продажам.

– Да ну... Ты что, где-то учился?

– Конечно, я экономический ВУЗ закончил. А ты чем за-

нимаешься?— после стольких вопросов в его адрес Сергей тоже счел возможным поинтересоваться.

— Я-то... Да так, всем по-немножку,— Вахид отхлебнул из бутылки, замер на несколько секунд, будто собираясь с ду- мами.— Ты знаешь, здесь в Калбитстане нормально работать и по-хорошему чем-то заниматься вообще нельзя. В Усть- Каменогорске, Павлодаре, где калбитов не так много еще бо- лее или менее. А там где они руководят и их большинство, как у нас например, там такой бардак. Ни порядка, ни бизне- са, ни жизни. Вот нам и приходится, чтобы выжить самим о себе заботиться, чтобы от калбитов не зависеть, торговать всякой всячиной.

— Всякая всячина, это что? — на этот раз осторожно поин- тересовался Сергей, явно опасаясь, что такое любопытство может обидеть собеседника. С другой стороны он откровен- но отвечал на все вопросы и имел моральное право рассчи- тывать на столь же откровенные ответы...

Мимо них в основном с пляжа и на пляж проходили люди, пробегали со смехом и шалостями дети... Вахид помолчал, глядя на противоположный берег залива, где к воде почти вплотную подступал лес. Молчал и Сергей, но очередь отве- чать была чеченца.

— Ты хочешь знать, не торгуем ли мы наркотой,— наконец вопросом на вопрос ответил Вахид.

— Да нет,— несколько смутился от такой прямоты Сергей.

— Торгуем и наркотой. А куда деваться, жить-то надо, се-

мый кормить. Ты вот, сколько получаешь в своей фирме?

– Когда как, в хорошие месяцы тысяч двенадцать, даже больше бывает. Жена у себя на работе тоже тысяч шесть-семь имеет, всего получается что-то около двадцати тысяч. В общем, нам хватает,— сделал обычный в таких случаях вывод Сергей, ибо с детства часто слышал, что так же отвечали на вопросы о зарплате отец и мать.

– Двадцать тысяч ваших рублей, это примерно восемьсот баксов американских или сто тысяч зверобаксов калбитских,— подытожил сделанные в уме вычисления Вахид.— Не скажу, что это много. Я один имею больше... Но знаешь, я бы предпочел получать столько сколько ты, и жить в России, в нормальном городе, работая также на законной, спокойной работе, так как работал мой отец в те времена когда еще был Союз. А наш заработок, он... ну как тебе сказать, он очень рискованный и непостоянный. Деньги вроде есть, иногда и большие, но все это без уверенности, что так будет и завтра. Другим ничего, а мне на нервы действует, и нормально жить не дает, ни в чем. Вот ты давно женат?— задал неожиданный вопрос Вахид.

– Четыре года уже.

– Дети есть?

– Да, дочке три годика.

– А я, вот, чуть моложе тебя, а до сих пор жениться не могу. Каждый чеченец обязан приумножать численность своего народа, потому что нас всегда много гибнет, а я вот этот свой

долг не могу выполнить. И отец с матерью, и родственники предлагают невест, и у нас в Жангизе, и из под Алма-Аты, и из Чечни, отовсюду, где родственники живут. А мне они все не нравятся. И знаешь почему? Вновь задал совершенно «неберущийся» вопрос Вахид.

– Ну, откуда же мне знать, – пожал плечами Сергей.

– Потому что мне вообще не нравятся чеченки, – так же уверенно чеканил слова, словно вбивал гвозди Вахид.

– А кто же тебе нравится, русские, казашки? – уже в возросшем интересом спросил Сергей.

Когда Сергей произнес последнее слово, лицо чеченца словно блеснуло синевой аскетичных щек, исказилось оскалом негодования. Сергей искренне не понимал, чем он так обидел его.

– Казашки... калбитки эти. Да я с ними на одном километре ... не сяду, не то, что в постель с такой лечь. Понимаешь, калбиты для нас это одна из самых низких, грязных, тупых и презираемых наций, – несмотря на выражение лица, Вахид пояснил это довольно спокойно.

– Но я вижу, тут ваши ребята с этими как ты выразился низкими ходят и даже очень, – возразил Сергей.

– Да они же просто ими пользуются, но чтобы чеченец женился на калбитке, такого просто быть не может. Ведь мы их никогда за людей не считали.

– Не знал, – изумленно покачал головой Сергей, – я почему то думал что вы русских больше всех не любите.

– Не любить, и не уважать, это не одно и то же. Сильного умного врага можно не любить, даже ненавидеть, но не уважать не возможно. А калбиты... это даже не враги, а так... – Вахид пренебрежительно махнул рукой. – Мне же всегда нравились только русские девушки, и ни какие другие. Да и не только мне, таких чеченцев много, даже среди тех, кто орет, что русских ненавидят.

Сергей не знал, как реагировать на это признание. Он посмотрел по сторонам, словно ища совета откуда-то извне и увидел как в отдалении с крыльца их домика, прикрыв глаза от уже идущего на заход солнца за ними наблюдала Люба, и по всей видимости уже давно. Сергей успокоительно махнул ей рукой, де все в порядке, не беспокойся. А Вахид тем временем продолжал:

– Когда я был маленьким у нас в Жангиз-тобе жило что-то около тысячи чеченцев, и где-то тысяч пять-шесть калбитов. А рядом был большой военный городок, в котором стояли дивизия ракетчиков-стратегов и авиационный полк. Мой отец служил прапорщиком у летчиков. Хотел к стратегам, но туда его, чеченца, не взяли, а к летчикам взяли, старшиной в батальон аэродромного обслуживания. Туда самых плохих непослушных солдат собирали. Ни один старшина с ними справиться не мог. А отец как пришел быстро там порядок навел, его все слушались. В полку очень его уважали. Я первые два класса в самом Жангизе в калбитскую школу ходил, и вообще не знал какие бывают настоящие хоро-

шие школы. А в третий класс отец меня в военный городок в русскую школу устроил. Туда ходить было где-то с километр туда и обратно. В той школе все учительницы были жены офицеров, настоящие институты и университеты кончавшие, некоторые даже в Москве и Ленинграде учились. Там я понял, какая это огромная разница между калбитской школой и русской...

Вахид говорил откинувшись на спинку скамейки, полуприкрыв глаза, словно утомился, но говорил в охотку, даже с удовольствием, будто давно носил в себе все это, и вот, наконец, нашел того кому можно рассказать, поделиться. Сергей слушал внимательно, не смея ни репликой, ни вопросом перебить собеседника.

– Сначала, после той дебильной калбитской школы мне очень тяжело было... зато потом, когда втянулся стало так интересно, ни морозы, ни метель не могли меня остановить, так я хотел там учиться. Мне все мои друзья-чеченцы завидовали, ведь все понимали, что я учусь в настоящей школе, а они в ликбезе. И вообще военный городок, он назывался «Солнечный», это по сравнению с Жангизом просто рай был какой-то. Где-то больше двадцати многоквартирных домов, пятиэтажек и девятиэтажек, несколько магазинов, Дом культуры хороший, стадион, бассейн. Там все так здорово устроено было и чистота, деревья вдоль дороги ровненькие, трава, кусты все подстрижено, все поливается, зимой весь снег убран, каток залит. Потом после этого в наш Жангиз как в

сортир сраный возвращаешься, летом пылица, дождь пройдет грязища, зимой то заметет все по крыши, а в оттепель от воды не пройти...

Вахид замолчал, словно что-то припоминая...

– Слушай Сергей, ты извини, но мне сейчас надо срочно идти. Тут дело одно есть у меня. Давай завтра встретимся... в это же время. Я бы хотел с тобой еще о многом поговорить, и многое объяснить. Я знаю, что в России сейчас многие очень плохо относятся к чеченцам. У нас тоже многие ненавидят русских. Но я совсем не такой, и поверь, таких как я немало среди нас. Мне бы хотелось, чтобы у вас об этом знали. И еще раз обещаю... отдыхайте спокойно. Никто из наших ни к тебе, ни к жене твоей подойти не посмеет. Слово даю.

– Спасибо, – поблагодарил растроганный Сергей.

– Ну что, завтра здесь же? – напомнил о своем предложении Вахид.

– Да-да, конечно... буду тебя ждать, – поспешил заверить Сергей.

Люба, узнав, что от чеченцев, по всей видимости, опасность для них уже не исходит, заметно успокоилась. Теперь все ее недовольство вновь переключилось на местный, так называемый, сервис, который она именовала «стервиз». Во-

первых, очень напрягало то что за водой ходить было довольно далеко, во-вторых мыться фактически было негде, разве что совмещать данное удовольствие с купанием. А когда кончились захваченные с собой продукты, со всей очевидностью стало ясно, что в местных магазинчиках-палатках весьма скудный выбор еды и питья: окорочка, пельмени, чупа-чупсы, ну и еще некоторые невысокого качества привозные овощи и фрукты. Выручал мини-базарчик, функционировавший на площадке возле главного здания санатория. Здесь в основном продавали рыбу, ту что ловили в Бухтарминском водохранилище: сорошку, окуня, судака, реже сазанов. Хитом базарной торговли являлась пелядь, небольшая рыбка, похожая на омуля. Ее продавали двух видов, холодного и горячего копчения. Одна такая рыбка стоила порядка сорока тенге, то есть меньше десяти рублей. То, что это рыба ценной породы стало понятно потому что ее продавали втихаря, чуть ли не из под полы. Люба сразу накупила этой пеляди на двести тенге. У нее был особый, ни на что не похожий вкус, рыба была одновременно и жирная и какая-то необыкновенно нежная. Ни в Оби, ни в Катуня Сергею такой не приходилось ловить.

За исключением пеляди ничего особо выдающегося, вкусного здесь супруги не попробовали. Им, приехавшим с хлебного Северного Алтая, где испокон знали толк в приготовлении вкусного съестного, здешняя пища показалась пресноватой. В одном из магазинчиков Сергей увидел свое род-

ное барнаульское мороженое «Забава», изготовляемое хладокомбинатом, входящим в его фирму. Но цена, которая в Барнауле была всего четыре рубля за брикетик, здесь выросла до тридцати тенге, то есть почти до семи рублей. Зато едва ли не все остальное здесь было раза в полтора дешевле. Однако качество...

После разговора с Вахидом Сергей предложил Любе снять предыдущий стресс распив бутылку сухого вина. Жена обычно была против таких методов «расслабления», но на этот раз легко согласилась – перенервничав, она тоже была не прочь «забыться». Сергей тут же побежал в близлежащую торговую точку, работающую до десяти часов вечера. Но сухого красного, которое заказала Люба, там не было, продавали только сладкое или полусладкое... Лишь в третьем магазинчике, он нашел то что искал. Все продаваемое вино было очень дешево. Даже коньяк здесь был не дороже пяти-сот тенге, то есть не дороже ста рублей. Но опять же качество... Качество оценили, когда сели ужинать, разлили вино и провозгласили тост за удачное проведения оставшейся части отпуска. Увы, пили кривясь и жалея потраченные, хоть и небольшие деньги. Вино в Казахстане никогда не умели делать, не научились и с обретение независимости – в этом сухом содержалось столько сахара, что назвать его даже полусладким было никак нельзя...

На следующий день после завтрака, едва вышли загорать

на пляж, как в залив медленно вплыл белый кораблик под парусом, с которого раздавались, усиленные мегафоном призывы:

– Катание по Бухтарминскому водохранилищу, за час чепыреста теньге со взрослого, двести с ребенка!...

Люба было загорелась кататься... но Сергей остановил:

– Прогулка эта часа на три-четыре, я узнавал, а я обещал Вахиду, что после обеда с ним встречусь.

– Вот еще... Что же теперь нам под него весь наш отдых подстраивать!?! – выразила недовольство жена, успев забыть, как еще вчера была готова не то, что подстроиться, убежать отсюда.

Тем не менее, в конце концов и она смирилась с мыслью, что с «круизом» придется повременить. После обеда Сергей поджидал Вахида там же, где он разговаривали вчера возле танцверанды. Тот появился чуть опоздав:

– Извини, дела... будь они. Выпить и закусить хочешь?

– Да я вообще-то только пообедал, – Сергей неуверенно пожал плечами.

– Ничего, я тебя приглашаю. Пойдем в кафе...

Единственное на весь «Голубой» летнее кафе находилось тут же рядом в окружении нескольких сосен. Под тентом прятались с десятков столиков.

– Пиво будешь, а может водку или коньяк, на закуску шашлык, плов или манты? – перечислил весь ассортимент производимых здесь блюд и имеющихся горячительных напитков

Вахид. Судя по всему, он бывал здесь часто.

– Я думаю лучше пиво, а закусь как хочешь по твоему усмотрению,— на щедрость чеченца он решил ответить относительной не привередливостью. В то же время он отклонил водку и коньяк, боясь напиться и получить соответствующий нагоняй от Любы.

– Давай сюда по два пива и по три шашлыка!— отрывисто сказал, словно отдал команду Вахид.

– Чтоо ты сказал?— видимо не до конца все расслышал, да, по всему, и плохо говоривший по-русски, хозяин кафе, армянин лет сорока.

– Прочисть уши, ишак карабахский! Я сказал, нам подай по два пива и по три шашлыка!

Армянин и помогавший ему за мангалом казах сразу забегали, словно пришпоренные и уже через три-четыре минуты на столике стояло все, что заказал Вахид.

– С ними только так и надо, иначе час можно прождать,— пояснил свои действия Вахид, перехватив удивленный взгляд Сергея.

Потягивая пиво и закусывая шашлыком они продолжили свой вчерашний разговор, будто и не прерывали его на целые сутки, вернее Вахид продолжил свой рассказ:

– Там в школе я познакомился с русской девочкой Валею. Сначала ее отличницу со мной за одну парту посадили, чтобы она помогала мне. Я тогда страшно обиделся, как это со мной девчонку сажают. В калбитской школе такого не было,

мальчишки с мальчишками сидели, девчонки с девчонками. Там даже чечены с казахими за одной партой не сидели, да учительница и не сажала, мы сами садились, как хотели. А тут нет, тут как учительница посадила, так все и сидели. И дисциплина была, на уроках тишина. А там... мне кажется та училка-калбитка нас чечен боялась, или родителей наших. Мы делали все что хотели, дисциплины никакой. Как можно при таком бардаке учиться, получать какие-то знания. А в новой школе я как-то быстро привык, уже не считал позором сидеть с девчонкой и слушаться женщину-учительницу. Не знаю если бы у нас в классе еще были чечены и они меня подняли бы на смех... Не знаю как бы я тогда поступил. Но я был один среди русских и как-то постепенно тоже стал чувствовать себя едва ли не русским. А с Вале́й мы просто подружились. Она сначала мне по всем предметам помогала, но после четвертого класса, когда началась алгебра и геометрия, уже я помогал ей, когда решали трудные задачи или уравнения. Потом мы с ней уже и после школы стали встречаться, и на каток ходили. Умора, как я впервые на лед на коньках вышел – корова на льду. Но потом и этому научился. Отец меня понимал, и совсем не ругал за то, что я целыми днями в военном городке пропадал. Он вообще хотел, чтобы я к русским ближе был. Когда уже в седьмом классе учились, там на катке к Вале из-за меня стал приставать какой-то парень из другого класса, обозвал ее за то что с черным, то есть со мной дружит. Я, конечно, вступился за нее.

Тут к нему на помощь сразу еще двое подоспело. Я один с тремя дрался, хоть со льда и сошли на снег, но все равно на коньках стоял плохо. Они мне тогда всю морду разбили. Ну, а я как и положено чеченцу пообещал, что найду их и зарежу. Валя тогда меня успокоила и к себе домой отвела, рассказала родителям, что случилось. Меня ее мать там лечить стала, зеленкой мазать, примочки делать. Дома я сказал, что лицом на лед упал. А Валя с меня слово взяла, что я мстить никому не буду... До восьмого класса мы вместе учились, а потом ее отца по службе перевели куда-то под Ленинград. Она обещала мне написать с нового места, но так и не написала. Наверное, родители запретили ей. Я хоть и в доме у них бывал и его отец знал моего, они же в одном полку служили, но я все равно чувствовал, как ее родители ко мне настороженно относились, наверняка считали, что я ей не пара. Вот так все и кончилось... – Вахид резко отодвинул вторую допитую бутылку пива. – Сколько лет прошло, а я Валю до сих пор забыть не могу... Что еще закажем? – он кивнул на опустевшие бутылки.

– Можно, – кивнул головой Сергей.

– Эй ты, ара... еще по бутылке!

– Ну, а что потом? – спросил Сергей, имея целью не столько стимулировать собеседника к продолжению, сколько желая не допустить, чтобы Вахид еще как-нибудь неуважительно обозвал хозяина кафе.

– Потом?... Потом девяносто второй год наступил, Союз

развалился, полк стали в Россию выводить, а у отца как раз контракт кончился и ему его не продлили, в общем забирать с собой чеченца они не захотели, а отец так надеялся. Стратеги те на месте остались, просто в российское подчинение перешли, но я уже в той школе учиться не имел права. Девятый и десятый классы пришлось опять в Жангизе доучиваться. Тут в Чечне война началась, наши ребята, мои ровесники чуть не все как ошалелые в Чечню рвались, воевать за независимую Ичкерия. Я не дергался, да и отец бы не пустил. Мы с ним одинаково всегда мыслили и понимали, что нам чеченцам без России никак нельзя,— Вахид замолчал сделав продолжительный глоток.

— Ты, наверное, один из немногих чеченцев кто так думает,— покачал головой Сергей.

— Ошибаешься. Во всяком случае здесь в Казахстане таких как я немало. В Чечне другое дело. Там народу много погибло, потому люди все злые, мстить хотят. Я это по своим родственникам знаю. У меня дядя в Урус-Мартане живет, у него двое сыновей погибло, один старше меня, второй совсем мальчишка был. Старший, тот у Гелаева воевал, а младшего дома во время бомбежки в подвале завалило. Там вся их семья пряталась. Других успели откопать, а он задохнулся. Так вот дядя всех русских ненавидит и вся его семья тоже, и таких там большинство. Я в девяносто седьмом году к ним ездил, посмотрел на жизнь в той независимой Ичкерии и еще раз убедился, что нам без России нельзя.

– В гости ездил,– задал уточняющий вопрос Сергей.

– И в гости, и еще... Учиться я там хотел, в университет поступить в Грозном. Я ведь после школы в Семипалатинский ветеринарный институт поступил. Наша семья всегда скот держала, коз, баранов, но немного. Ну а как Союз развалился и отца со службы уволили, решили больше держать. Отец мне и говорит, иди на ветеринара учиться, будешь наших баранов лечить. Год я там проучился, больше не смог. И специальность не по мне, а главное с калбитами ужиться не мог. Их там наверное процентов восемьдесят было и среди студентов и среди преподавателей. И русские меня сторонились – в Чечне ведь война шла...– Вахид допил и третью бутылку, оставив ее к остальным пустым.– Кстати, спросить хотел, в России в курсе, что сказал Назарбаев, после первой войны, когда подписали мир в Хасавьюрте?– в глазах Вахида обозначилась презрительная усмешка.

– А что он сказал?– еще более заинтересовался Сергей

– Где-то среди своих ближайших прихлебателей и родственников, он заявил: уж если Чечня Россию на колени поставила, то неужто мы ее на бок не завалим?

– Да ну... Не может быть? Он же вроде всегда такого нашего друга изображал,– изумился Сергей.

– Точно. Как у вас говорят, за базар отвечаю. Кто-то из его окружения потом проболтался. Назар, он же не умный, а хитрый. Где ты умных калбитов видел? Я вот всю жизнь рядом с ними живу, ни одного не встречал. Хитрые попада-

ются, да и то редко... Я чего хотел сказать-то, у вас ведь ему верят, союзником считают, а он о России вон как думает...

– А в Грозном, ты что, тоже учился?– поспешил перевести разговор Сергей, ибо не очень верил тому, что поведал только что Вахид, к тому же не хотел здесь, на территории Казахстана говорить в таком «ключе» о его президенте.

– Да, и тоже год, на историческом факультете, в тамошнем университете. Хотя, конечно, какой там университет, бывший пединститут университетом назвали, а он как был педом, так и остался, даже хуже чем при советской власти стал. Все об этом говорили. Какая там могла быть учеба при таком бардаке. Там каждый более или менее крупный командир свою армию имел, из своих родственников. И эти армии никому больше кроме этих командиров не подчинялись. Что хотели, то и вытворяли. Масхадова кроме его родственников никто не слушался. Стрельба день и ночь стояла, не поймешь то ли друг в друга, то ли в воздух. Праздник – стрельба, свадьба – стрельба, ребенок родился – стрельба, перепелись-обкурились – опять стрельба. У всех оружие и чуть что его в ход пускают. Не знаю, как я там этот год выдержал. Да и учебы как таковой там не было, преподавателей настоящих, знающих почти не осталось, русские почти все поужезжали, а среди чеченцев стоящих было немного, а так в основном те же вчерашние студенты преподавали. В общем, плюнул я на ту учебу и домой вернулся, и вовремя. Когда в 99-м вторая война началась, я бы уже оттуда вряд ли выбрался. Там ведь

тогда всех студентов мобилизовали и под огонь,— Вахид допил остатки пива и из заднего кармана брюк достал пачку сигарет.— Курить будешь?

— Нее,— отмахнулся Сергей.— Но ты ведь мог, наверное, куда-нибудь здесь в Казахстан из того университета перевестись.

— А ну их.— Вахид зло махнул рукой.— Там чеченскую историю изучал, исламом задолбали, здесь бы калбитскую пришлось, и каждый все по своему толкует... Надоело. Да потом здесь не до того стало, надо было отцу помогать. У меня же в семье еще две младшие сестры. Женить меня два раза хотели, да мне невесты не понравились... дуры какие-то. Отец, конечно, мог заставить, но он понимает меня. Я хоть и не особо верующий, часто Аллаха благодарю, что у меня такой отец. Посмотрю на других чеченских отцов, аж дрожь берет, если бы у меня такой были, наверное, руки бы на себя наложил. А мой все понимает, что я хотел бы жениться на такой как Валя... Да как ее искать было мне, когда Союз развалился и такая чехарда началась. В Россию ехать, когда в Чечне война была? Это же все равно, что на смерть, или в лучшем случае там бы мне за что-нибудь срок припаяли. А сейчас, что сейчас, сейчас она уже, поди, замужем. Да и вообще... у вас сейчас к чеченцам очень плохо относятся,— Вахид замолк, пытливо глядя на собеседника и сделав затяжку, выпустил в сторону сигаретный дым.

— Ну, как тебе сказать,— несколько смутился таким «пря-

мым» вопросом Сергей.— В общем существует такая тенденция. Все же учти, было две войны за десять последних лет. Вот Ты говоришь, что в Чечне русских не любят, а с чего же в России должны чечен любить?

— Да я это понимаю. Но так же все время нельзя, нужно какой-то выход искать. Конечно, до чеченцев теперь не скоро дойдет, что нам без России нельзя, но ведь и до вас не доходит, что чеченцы очень нужны России. Я не говорю, что без нас вы не проживете, проживете конечно, но мы могли бы быть очень полезны для России,— убежденно говорил Вахид.

— Это чем же, полезны-то?— на этот раз не смог сдержать недоверчивой усмешки Сергей.— Мне так кажется, что с вами слишком много хлопот, уж очень у вас ментальность... Ты уж меня извини, жить с вами рядом тяжело сам говорил, что уж больно ваши джигиты к бандитизму склонны, дисциплины не признают, норм общежития. Извини, если чего...

— Не за что мне тебя извинять. Все оно так. Наш народ и в самом деле, в основном не совсем нормальный. Еще сам Шамиль говорил, что чеченцы народ скверный, и способны на что-то хорошее, только когда над ними занесена сабля. Но если бы ваши правители имели достаточно ума, то они наряду с нашей скверностью сумели бы разглядеть и выдающиеся качества чеченцев, и обратить их не против России, а ей на пользу. И поверь, польза для России была бы очень большая,— опять убежденно «вколачивал гвозди» Вахид.

— Объясни, какая такая польза, от совершенно неправ-

ляемых людей, над которыми надо постоянно держать занесенную саблю – продолжал выражать недоверие Сергей.

– С нашей помощью вы бы смогли восстановить Союз, – неожиданно заявил Вахид

– Да ну, – едва не засмеялся Сергей и тоже отставил допитую бутылку. – А на кой нужно его восстанавливать. Вроде только более или менее нормально жить начали, по человечески, а в Союзе опять Среднюю Азию корми, Азербайджан с Грузией, да и остальных тоже. Вон на Украине говорят с хлеба на квас перебиваются, хоть и газ наш воруют.

– Согласен с тобой. Этих, про которых ты говоришь, сейчас лучше не присоединять. А вот Казахстан, как ты думаешь, был бы в составе России лишним? – опять сделал неожиданный «выпад» Вахид.

– Казахстан!?! – Сергей не знал, как отвечать в этом случае. Помявшись, он начал вслух рассуждать. – Да, Казахстан со своими запасами минеральных ресурсов лишним бы наверное не был... к тому же здесь много русских живет... Но я как-то не пойму, Вахид, как бы вы смогли нам помочь его присоединить, если здесь Назарбаев и его окружение крепко сидят у власти.

– Запросто, – с каким-то воодушевлением начал объяснять Вахид. – Ты говоришь, что Назар и его прихлебатели крепко держат власть? Это только видимость. Почти все народы, что здесь живут, кроме казахов его просто ненавидят: русские, чеченцы, татары, уйгуры, немцы, корейцы. Любой

из этих народов по всем статьям выше калбитов, а вынуждены терпеть их дебильное господство. Да и сами калбиты, случись какая заваруха, далеко не все поддержат Назара. Он же чего из Алма-Аты в Астану столицу перевел? Потому что там он в окружении калбитов старшего жуза оказался, а он им не доверяет. А в Астане его родной, средний жуз, он там себя увереннее и в безопасности чувствует. И в правительство на самые важные посты людей из своего жуза подбирает, чтобы не продали. Южные казахи это старший жуз, западные – младший, они тоже Назара не любят, он и их притесняет.

– Надо же, как у вас здесь все сложно. Вроде всю жизнь тут рядом с Казахстаном живу, а и не знал того, что ты мне рассказал. Потому ни согласиться с тобой, ни возразить тебе не могу, – откровенно признался Сергей.

– Никакой сложности здесь нет. Если здесь жить, все это само-собой узнается, – по-прежнему твердо и уверенно констатировал Вахид. – А теперь прикинь, при таком шатком положении нам чеченцам ничего не стоит здесь поднять такую бучу, такой тарарам. Сто чеченцев по любому с тысячей калбитов справятся, а если у нас будет достаточно нового русского оружия и боеприпасов, то и с десятью тысячами. Не веришь?... В девяностом году у нас в Жангизе между нашими парнями и калбитами конфликт был. Наши пятьдесят, против их четырехсот дрались. Мне тогда тринадцать лет было, я не дрался, со стороны смотрел. И наши их погнали, те не

знали куда спрятаться, даже калбитская милиция побоялась вмешаться. Калбитское начальство в военный городок звонило, просило солдат с оружием прислать, от чеченцев защитить. А там кулаками и палками дрались, ножи в ход не пускали, хоть потом калбиты свое бегство объяснили тем, что все чеченцы с ножами были. Да если бы наши ножи вытащили, они бы половину тех калбитов там бы поубивали. А так только человек семьдесят их потом в больницу в Георгиевку увезли с пробитыми бошками и переломанными руками-ногами, ребрами. А наших человек десять всего пострадало, ну может чуть больше. Не веришь? Чистая правда. Ты знаешь, во время войны в Абхазии, кто грузинскую армию разбил?

Сергей недоуменно пожал плечами.

– Батальон Шамиля Басаева... Да-да, не абхазы, ни кто другой. Грузины уже почти всю Абхазию захватили, когда пришли несколько сотен чеченцев и расколошматили всю многотысячную грузинскую армию. От одного упоминания чеченцев грузины обращались в паническое бегство, даже не думая о сопротивлении. Вот это чистая правда, как и то, что здесь мы запросто можем взорвать изнутри обстановку во всем Казахстане, очень легко можем. Но для чего? Сами мы ведь потом ничего путного здесь не организуем, это уже пример этой независимой Ичкерии доказал. Вот если бы Россия к нам по другому относилась, мы бы стали вам самыми верными союзниками. И воевать вам с нами не надо было... Мы бы сами в конце-концов поняли, что одни не сможем, сами

бы в Россию, добровольно попросились... И Казахстан перед Россией на колени поставить, для нас это ничего не стоит, если надо и Назара в Москву привезем в железной клетке. Но к нам нельзя так относиться, как ваши правители относятся, нельзя со всеми равнять, мы не как все, мы особый народ, и подход к нам нужен особый. Вот все говорят, что Союз сохранить было невозможно, что он все равно бы рано или поздно развалился. А знаешь, что надо было сделать, чтобы Союз сохранить?

– Не... никогда об этом не думал, – покачал головой Сергей.

– Всего лишь, в каждой союзной республике поселить по несколько тысяч чеченцев. Не выселить как наших родителей и дедов в Казахстан, а договориться, чтобы мы сами добровольно, вроде как на государственную службу, обеспечить нас, платить хорошо, чтобы мы там богаче всех местных жили. И все, ничего больше не надо было, мы бы обеспечили полный порядок, никто бы против власти не пикнул. Да, нас все боятся, это качество нашего народа, где бы мы не селились, везде так. Кто-то в футбол лучше всех играет, как бразильцы, кто-то поет, как итальянцы. Ну а у нас такое вот качество и ничего с этим не поделаешь. Но и его можно было обратить на пользу, если бы у вас в Кремле сидели по настоящему умные люди. Я иногда просто удивляюсь как вы, русские, создавшие такое великое государство, сложив его как огромный дом, кирпичик к кирпичику, самое большое в

мире, как вы могли допустить, чтобы этим государством руководили такие люди, которые то что строилось веками развалили на куски за несколько лет. И после этого вы до сих пор не повесили Горбачева!— Вахид уже не был спокоен, его глаза сверкали ненавистью.

— Ты тоже меня извини Вахид, Горбачев тут может не самый виноватый, он просто попал на завершающий этап. Там уже до него все развалили,— не согласился Сергей.— И потом, разве у вас, у чеченцев такие умные всегда в начальство выходят? Сам же говорил, что Масхадова никто не слушался. Почему же вы не смогли себе выбрать такого, который бы пользовался у вас всеобщим авторитетом. Ведь Чечня же фактически три года независимой была,— в свою очередь Сергей «перешел в наступление».

Вахид сразу помрачнел и выдержал паузу.

— Вот я потому и говорю, мы совсем другой народ, у нас в общем ни культуры особой нет, да и с учением проблемы, дипломы и аттестаты в основном у всех купленные, да и характер этот... Ну в общем у нас кого не поставь толку не будет. Ты думаешь, Кадыров сейчас чем-то в Чечне руководит? Вон, дядя письма пишет, почти такой же бардак как был при Масхадове, разве что пенсии старикам Россия платить стала... Да не это главное. Плохо то, что сейчас между русскими и чеченцами вновь столько крови пролилось, что примириться трудно. Но примириться нужно, это и в ваших и в наших интересах. Мы нужны друг другу. У вас есть крепкое

государство, и все что положено в нем иметь, армия, промышленность, культура... У нас ничего этого нет, и нам самим все это никак не создать, пример трех лет независимости это показал. Но у нас есть то, что поможет вам удержать целостность России, и только с нашей помощью вы сможете если не полностью, то частично вернуть, то что потеряли при развале Союза, хотя бы тот же Казахстан. Но для этого вам всем и прежде всего вашему руководству надо менять отношение к нам. Вы не должны относиться к чеченцам как к диким зверям, которых надо уничтожать, как американцы уничтожили своих индейцев. Ну а нам, нам надо изживать ненависть к русским, перестать ее воспитывать в нашей молодежи. Именно к русским, ведь вас в отличие от многих других народов есть за что уважать. А вот калбитов, да и многие другие нации бывшего Союза, я вообще не вижу, за что можно уважать...

Они проговорили еще немало. Возле их стола выстроилась уже батарея пустых пивных бутылок, и лишь первые сумерки подвигли их вспомнить о реалиях и заторопиться к своим: Сергея уже к заждавшейся его жене, Вахида к своей команде...

Ночью, когда уже лежа в постели, Сергей пересказывал Любе содержимое их разговора с Вахидом, откуда то со сто-

роны причала для теплоходов вдруг послышались крики, отголоски матерной ругани и прочие звуки обычно сопутствующие драке. Потом оттуда кто-то бежал, громко взывая о помощи, одновременно же кто-то звал санаторную охрану. Люба встревожено напряглась, и даже если бы у Сергея возникло желание встать, одеться и пойти посмотреть, она бы не пустила...

Утром среди отдыхающих мгновенно распространился тревожный слух: у причала подрались «базарские» братки из Усть-Каменогорска с чеченами. Дрались из-за какой-то молоденькой усткаманьской проститутки, которую привезли с собой «базарские», в числе прочих, надеясь здесь «оттянуться» комфортом. Но на эту девицу «положил глаз» кто-то из чеченцев. Нет, он не стал к ней в наглую приставать, он втихаря предложил ей денег. Та не отказалась его «обслужить». Про то прознали «базарские», и решили проучить как «предательницу», нашедшую подработку, так сказать «по совместительству», а заодно и «клиента». Их «застукали» в каком-то помещении на дебаркадере причала. «Базарские» были поддатые, и оторвав друг от друга «сладкую парочку» стали их нещадно избивать... Чеченцу удалось вырваться, но он быстро вернулся уже с подмогой. Впрочем, массовой драки не случилось. Охрана санатория ее вовремя пресекла. Больше всех пострадала девица, ставшая причиной всего сыр-бора. Ее госпитализировали с переломами ребер и сотрясением мозга. «Кавалер» отделался разбитой физиономией. Ко-

нечно, на том инцидент исчерпан не был. К полудню понаехала полиция и следователи... А чуть позже к Сергею, загорававшему с Любой на пляже, неслышно, по-кошачьи, подошел Вахид:

– Отойдем, пошептаться надо...

Когда Сергей, спешно натянув майку, поспешил вслед за Вахидом к границе песчаного пляжа, провожаемый любопытнейшими взглядами... Здесь вполголоса и осматриваясь по сторонам чеченец поведал:

– Попрощаться пришел... Мы через час уезжаем.

– Это из-за вчерашнего?– догадался Сергей.

– Да... Тут разбирательство началось, нам лучше свалить на всякий случай,– пояснил Вахид.

– А говорил, что вы ничего и никого не боитесь,– как-то само-собой с языка Сергея сорвалась язвительная реплика.

– Мы и не боимся. Наши хоть сейчас готовы идти с «базарскими» драться. И если бы на нас наехали в каком-нибудь калбитском районе, я бы сам их и повел. Но здесь русский район, а я с русскими ссориться не хочу, ни с кем, ни с братьями, ни с ментами,– опять же как гвоздь в доску забил Вахид.

Сергею стало неудобно за свою язвительность:

– Извини... Жаль, мне кажется нам еще было о чем поговорить.

– Конечно... мне тоже жаль. Я ведь так как с тобой со своими ни с кем говорить не могу. Меня даже старики, что

всю жизнь при советской власти прожили, многие не понимают. Но я уверен, что прав, нам с вами необходимо прийти к согласию. Как ты думаешь, Серега?— неожиданно как-то по своейски, едва ли не с надеждой спросил чеченец.

— Не знаю Вахид... Могу лишь от себя сказать. После разговоров с тобой, я по иному стал воспринимать чеченцев. Ведь раньше... ну как тебе...— Сергей замолчал не находя слов, но Вахид поспешил ему на помощь

— Не надо друг, не объясняй, я все понимаю, и рад, что ты меня выслушал и понял... Счастья тебе и твоей семье, удачи. Прощай,— он протянул руку...

После того, как «Голубой» покинули чеченцы, а вслед за ними устькаманская братва, обстановка в санатории стала более чем спокойной и все отдыхающие в том числе и супруги Коростелевы уже безо всяких помех предавались отдыху. Наконец-то они смогли отправиться в долгожданный «круиз» на паруснике и обозреть все Бухтарминское водохранилище. Сергей думал, что оно примерно тех же размеров, что и хорошо ему знакомое Обское. Там можно было заплыть туда, откуда не видно берегов, по нему плавали многочисленные яхты с разноцветными, замысловатой конфигурации парусами. Но там, перегороженная под Новосибирском Обь, разлилась по степной равнине, а здесь в горах, воде просто некуда разлиться, ибо ее «теснят немые громады». Потому берег здесь был виден отовсюду, даже в самом широ-

ком месте ширина водохранилища не превышала восьми-десяти километров. Зато берега очень живописные: сопки, поросшие соснами и кустарником, среди которого преобладал шиповник. С окрестных гор в водохранилище стекало множество речушек. В устьях некоторых из них располагались турбазы. Там тоже сдавались домики с тем же «джентельменским» набором услуг. Напротив «Голубого», на противоположном берегу водохранилища в заливе «Аюда», располагалась одноименная турбаза, зажатая меж двух отвесных сопек. На том же берегу, что и «Голубой» километрах в десяти, за поселком «Октябрьский», где когда-то до образования водохранилища в Иртыш впадала горная река Бухтарма располагалась турбаза «Алтайская бухта»... Турбазы, конечно, были много меньше «Голубого» по «вместительности», и естественно еще менее комфортабельны. Те не менее, каждое лето на берегу этого «моря» отдыхало в совокупности до ста тысяч человек, причем до трех четвертей приезжало из России. Туристский бизнес, это одна из немногих отраслей, что позволяла выжить в постсоветский период местному населению. Все остальное: промышленные предприятия, бывшие совхозы и колхозы— все хозяйственные субъекты или «стояли», или еле сводили концы с концами.

Вода в водохранилище была средней температуры, теплее чем в Катунь, но с «Обским морем» не сравнить, холоднее. Причем вдали от берегов она оказалась теплее, чем в «Голубом заливе». Когда на парусники вышли на середину во-

дохранилища, капитан объявил: кто хочет искупаться в теплой воде, ныряйте прямо с палубы. Сергей с Любой заранее знали об этой «услуге» и потому взяли с собой купальные принадлежности. Когда нырнули... и в самом деле здесь вода была градусов на два-три теплее чем в заливе.

В процессе «круиза» который продолжался более шести часов, причаливали к различным пристаням и общались с местными. Они охотно вступали в контакт и в разговорах, через нарочито-напускную веселость постоянно ощущалась какая-то особая, слышимая не ухом, а каким-то внутренним нервно-ментальным органом, что бывает только при общении людей одной нации... То было нечто подобное неслышимому стону, стону от безысходности. Казалось они все не знали зачем живут, и в этой безысходности как за соломинку цеплялись за мифологическую надежду, что Рудный Алтай, как часто именовали Восточно-Казахстанскую область, вернут в Россию. Здешние русские в отличие от тех, что в Прибалтике «вцепились» в более высокий чем в России уровень жизни и бытовой культуры, и тех, кто в Средней Азии и Закавказье встали «раком» перед «коренными» всячески перед ними лебезя и унижаясь... Нет, эти не имели, ни обеспеченной жизни, но и перед новой титульной нацией в «согнутое» положение не становились. Они оставались до конца русскими, пожалуй даже став после развала Союза еще более русскими, чем были до того, чем русские живущие в России. Они все без исключения хотели в Россию... но толь-

ко со своей землей, которую обустроивали не одно поколение их предков. В разговорах они почти не жаловались, только «эзоповым языком» констатировали, что на своей земле стали после девяносто второго года людьми второго сорта, что их просто пропили тогда в Беловежской пуще. Говорили и то что область, бывшая в советские времена процветающей, в основном за счет своей развитой горнодобывающей промышленности и цветной металлургии... Сейчас область влачила жалкое существование. И все это было наглядно отображено в виде безжизненных больших и малых предприятий, зияющих пустыми окнами многоквартирных домов в расположенных вдоль побережья городах и рабочих поселках: Серебрянске, Новой Бухтарме, Октябрьском, Первомайском. Апофеозом общения с местными жителями стал вопрос, заданный на причале поселка Октябрьский, мальчиком лет двенадцати, удившему рыбу прямо с дебаркадера. Когда Сергей поинтересовался у него, как улов, маленький рыбак, кивнув на ведерко, в котором плескалось несколько небольших окушков, поднял все те же «стонущие» глаза и спросил:

– Дядя, вы из России?... Скажите, там русским нормально жить?...

Благодаря расследованию, «завертевшемуся» вокруг побитой устькаманьской проститутки из «Голубого» убралась не только чеченцы, но и «базарские». Таким образом в отсут-

ствии «крутых» для мирного отдыхающего народа настала настоящая «лафа». Ходи в чем хочешь, куда хочешь, никто к тебе не привяжется, не пристанет, не обидит, не ограбит, ни днем, ни ночью, ни на дискотеке, нигде, даже если ты упал и валяешься пьяным. Все категории смирных отдыхающих использовали создавшуюся благоприятную обстановку в своих интересах. Обычно отдыхающих сразу предупреждали, что подвыпивших, и тем более сильно пьяных, почти наверняка ограбят, что заставляло любителей «поддать», предаваться своей радости в номерах или домиках. Сейчас выпивохи почувствовав свободу, пили и падали «где хотели», и в кафе, и на пляже, и даже в лесу. Теперь уже администрация предупреждала, чтобы не пили по укромным углам и в лесу – ночи были довольно прохладные и незамеченный пьяница мог запросто замерзнуть. Как будто «с цепи сорвались» любительницы загорать «топлесс», то есть без бюстгалтеров. Говорили, что отдельные дамы и до того на пляже их снимали, но чеченцы настолько бурно на это реагировали, подсаживались, делали недвусмысленные намеки, даже не обращая внимание на сопровождающих дам мужчин, в том числе и мужей... После ряда, возникших на этой почве инцидентов, любительницы излишне обнажать свои прелести, были вынуждены от одного воздерживаться. Сейчас же, почувствовав себя в безопасности, они сразу же вновь снимали бюстгалтеры. Таковых оказалось не так уж мало. Причем, если сначала «разделись» в основном молоденькие девушки, то

дня через два к ним смело присоединились и тридцатилетние, и даже кому было уже за сорок – «мода» распространялась как моровое поветрие.

Люба, вертя головой во все стороны, регулярно отслеживала этих, как она их называла, «сисечниц», не забывая строго следить, смотрит ли на них муж. И если перехватывала его взгляд, тут же начинала шипеть как потревоженная змея:

– Что уставился... чего увидел? Там смотреть-то не на что, первый номер, самое большее второй... – Или – Куда глазеешь?... Не ее это грудь... силикон закачала, не видишь, что ли как ее раздуло. Нормальной груди, что ли не видел?

Сергей тут же подтверждал, что намек понял:

– Видел, твою...

– Так чего пялишься? Еще раз увижу, сама бюстгальтер сниму, и тоже без него загорать буду. Посмотрю, как тебе приятно будет, когда на меня мужики будут вот так же смотреть...

Но Сергей тут же нашел нужным ответить жене комплиментом:

– Не сомневаюсь, что будут смотреть, ведь у тебя своя и почти четвертый, конечно будут... Будут мне завидовать, какая у меня жена...

Домой стали собираться в самом конце июля. Как раз

слегка начала портиться погода. Всего за две с половиной недели и накупались и загорели... Особенно хорошо загорела Люба. У нее вообще кожа очень хорошо воспринимала загар, в отличие от Сергея, который за это время успел дважды обгореть. Несмотря на регулярные выговоры мужу, то из-за «сисечниц», то из-за его увлечения пивом, или наоборот чрезмерной пассивностью во время дискотеки... В общем, Люба была очень довольна тем что за столь короткий срок и отдохнули и загорели и все это обошлось весьма недорого. Они потратили не более восьми тысяч рублей, в то время как в санатории «Горном» на берегу Катуня те же деньги они, наверняка, просадили бы за пять дней. Конечно, там и сервис куда лучше и дорога приятнее, но та же вода в Катуня даже в июле только «моржам» под стать.

Еще за день до отъезда стали себя морально настраивать на преодоление этих жутких южно-алтайских дорог-серпантинов. А когда отъезжали от «Голубого» Люба обернулась и долго смотрела на чудесную картину, поразившую ее еще тогда, во время приезда: голубое море, белый песок пляжа, зеленые горы...

– Хорошо здесь! Жаль, что добираться так тяжело, и ...– она замолчала.

– Что «и»?...– спросил Сергей, уже мысленно распрощавшийся с очередным местом отдыха и полностью переключившийся на дорогу.

– И еще жаль, что здесь уже не Россия, хоть кругом все

вроде то же, русское. Мне кажется, сюда мы больше уже не приедем, и скорее по второй причине, нежели по первой,— ответила Люба.— Местных русских жалко.

— Обычная участь всех людей, чьи предки осуществляли колонизаторскую миссию, а они остались жить на территории бывших колоний. Отнес свое «бремя белого человека», помогли отсталым народам войти в цивилизованный мир, все свободен. Думаешь в Индии, или где-нибудь в Африке англичане вот так же мало всего понастроили, тех же заводов и железных дорог? Так же и русские в бывших союзных республиках,— высказал свое мнение Сергей.— А что касается судьбы местных русских, им конечно не сладко, но куда лучше, чем в той же Средней Азии. Во всяком случае откровенных притеснений на национальной почве нет.

— Да это и я понимаю. Конечно, с теми не сравнить. К нам на работу недавно женщина устроилась, из Самарканда приехала. Так она такого понарассказала. Там русским вообще житья нет. Русские женщины даже в жару сорокоградусную боятся в открытых платьях на улицу выходить, девочек вообще одних отпускать нельзя. В лучшем случае словами оскорбят, а то и избьют, и насилия случаются. Парней русских и мужчин избивают иногда до смерти, просто так безо всякой причины, потому что русский. И виноватых никогда не находят. В милиции прямо в глаза так и говорят: вы, русские, заслужили к себе такое отношение...

Возможно от того, что супруги были морально готовы, обратная дорога через горные перевалы по серпантинам, уже не показалась ужасной, до Усть-Каменогорска доехали нормально без приключений. Как и договаривались, вновь остановились у Алексея, в квартире его шурина, уехавшего в Россию. На день задержались в городе. Алексей, как и обещал, стал их добровольным гидом.

Супруги, когда три недели назад только ехали в «Голубой» скептически восприняли заявление Алексея, что Усть-Каменогорск по красоте превосходит Барнаул. Но поездив и посмотрев вместе с ним город, были вынуждены признать, что тот был совершенно прав. Действительно здесь за годы советской власти был создан просто чудесный анклав, совершенно непохожий на множество прочих безвкусных и убогих фабрично-заводских скороспелок-скоростроек. Этот город строили с умом и похоже с сердцем, с любовью. Поразил чудесный городской парк с множеством аттракционов и редких деревьев, красавец ледовый Дворец Спорта, и особенно «визитная карточка» Усть-Каменогорска, великолепная набережная Иртыша застроенная «линейкой» красивых многоэтажных зданий. Здесь пока еще не ощущалось той разрухи, что они видели в области, но Алексей сообщил, что население города за последние десять лет сократилось с 330 до 290 тысяч и этот процесс, отъезда молодых и вымирания стариков, все усиливается.

– Если ничего не изменится еще через десять лет в городе

останутся в основном старики да казахи,— сделал грустный прогноз Алексей.

Каких изменений он ждал? Пожалуй, тех же что и все местные русские, что страна которую они меж собой называли Калбитстаном развалится на части, на жузы, или еще как-то и уж тогда Усть-Каменогорск наверняка «подберет» Россия. Впрочем, Алексей вслух этого уточнять не стал, а Сергей с Любой благоразумно не спросили. Алексей с куда большим удовольствием говорил о том, как много известных людей происходило отсюда: писатель Иванов, тот что написал «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», хоккеист Борис Александров, музыкальный продюсер Барри Алибасов, модный московский стилист Зверев...

— А сейчас городу, похоже, приходит кирдык,— вновь зазвучали пессимистические нотки у местного уроженца.

Сергей и Люба молчали, им нечего было сказать...

Когда после Шемонаихи пересекали гос. границу стало как-то неудобно за свои старые детско-романтические представления о профессии пограничника. На въезде в Россию у шлагбаума сидели двое зеленофуражечников далеко не призывного возраста. Один из них лениво подошел, глянул документы, потом «чувств никаких не изведав» сверил фото в паспорте с лицом Сергея, потом излишне долго задержался глазами на туго облегающих бедра шортах и загорелых ногах Любы... Так же лениво спросил:

– Спиртное везете?

На этом, в общем, и кончился весь досмотр. Ни в багажник, ни в машину даже не заглянули. Теперь стало очевидным, почему так успешно казахстанские чеченцы провозят наркоту и оружие в Россию. К тому же этот пропускной пункт в сухую погоду можно было легко объехать. Впрочем, в этом, похоже, не было никакой необходимости.

И все же Россия сразу показалась куда более цивилизованной страной, чем та в которой они побывали. Только сейчас, на обратной дороге супруги стали обращать внимание на то, что здесь в каждом населенном пункте что-то строится. Особенно много было всевозможных частныхстроек: дома, дачи, гаражи, хозпостройки. Там, в Казахстане почти ничего не строили. Здесь люди собирались жить, передавать построенное и нажитое потомкам, там... К вечеру здесь каждый городок, поселок, село щедро заливались электрическим светом. Там электричество везде экономили, а многие дома вообще отключали от электроснабжения за неуплату. Когда, уже совсем поздно вечером, подъезжали к Барнаулу – то было мозаичное половодье огней: уличные фонари, окна, разноцветная реклама – все это отражалось в водной глади Оби. Большой город жил полнокровной жизнью, как днем, так и ночью, город в котором они родились и выросли, который с детства считали своим, считали своим и сейчас... в котором их ждали...